

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

В клуб "Юнион"

состоится

АНОНСЪ

состоится

ТОЛЬКО

ВЪ ЗАЛѢ НОВОЙ БИРЖИ

Въ этомъ домѣ въ страдѣ

Сегодня въ Концертномъ Залѣ

Концертъ Мари Ивановой Долиной

Концертъ

извѣстной артистки.

Всѣ билеты проданы

Ж. К. Акцери

П. Исидор

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 4 (94)

Декабрь. 2015 год.

Одесское
время*Время — движущийся образ
неподвижной вечности.*
Руссо Ж.

Время в Одессе идет не так, как в других городах. Иногда оно растягивается лениво, как во время летней послеобеденной жары, а иногда начинает стремительно мчаться, как в последние предновогодние дни. Конечно, это связано с людьми, живущими здесь, с этим удивительным набором корней и историй, талантов и эмоций, щедро приправленных южным темпераментом и острым чувством юмора. Одесское время измеряется не столько минутами, сколько расстояниями между встречами, между событиями, между летом и летом, между приездами и возвращениями друзей...

Тут свои периоды и законы. Особенно это ощущается сейчас, в момент излома истории страны. Все происходит стремительно и, на первый взгляд, хаотично. Но стоит остановиться на мгновение, присмотреться, прислушаться, и Одесса начинает делиться, знанием, опытом, настроением и настроем; стоит лишь по-настоящему захотеть почувствовать, понять её.

Когда я впервые услышала от Михаила Ревы идею установки часов в Городском саду, возникло ощущение, что он предлагает вернуть что-то на историческое место. История с рухнувшим много лет назад деревом, росшим на этом месте, и безуспешными попытками высадить там новые деревья; смутное время, в которое мы погружены, и уныние, в котором находится огромное количество людей, как бы подталкивали к простому и совершенно естественному решению: должно появиться место, олицетворяющее и преемственность истории, и новый этап жизни. Естественно, Всемирный клуб одесситов поддержал эту идею, её поддержали мэр Одессы, большое количество совершенно разных, но любящих Одессу людей.

В рост ребенка человеческие фигуры, символизирующие одесситов разных поколений, национальностей, занятий, одесский кот, собачка Жулька (так звали собаку Бориса Литвака), способные с помощью усилий рук детей и взрослых закружиться в танце вокруг собственно часов, — символ быстротечности жизни, где беззаботное детство сменяется счастливой молодостью, а зрелость рождает мудрость старика, бесконечности времени и способности исключительно человека ускорить его, времени, ход.

Есть вещи, которые объединяют совершенно по-разному мыслящих людей, делаю т взрослых немного детьми, а детям позволяют нарушить правила; есть события, в которых встречаются прошлое и будущее. 22 октября Одесса начала новый отсчет времени, Одесского времени, и только от нас, одесситов, зависит, каким оно будет и как быстро будет бежать...

Елена ПАВЛОВА.
Фото Олега Владимирского.

Уважаемый Леонид, я проживаю в городе Сидней с 1974 года. Воспоминания о жизни в прошлом я положил на повести и рассказы, некоторые из которых печатались в местной русскоязычной прессе. Тисал стихи.

На Ваше усмотрение высылаю одну из моих повестей под названием "Мелезнодорожный тупик".

С уважением —

Борис Ицкович.
boris.itskovich@bighond.com.

Здравствуйтесь! Я — одессит по жене, духу и друзьям. Перебел на английский "Маланды, полные кефали", написал песню "Брайтон-Бич — "малая Одесса" и другие. Вот пара слов из репортажа, написанного в 2008 году для одного русскоязычного канадского журнала. Ключевые слова: Одесса, осень, "Улыбка бога", Роман Карцев, раки, клуб одесситов.

"В Одессу я приехал на встречу со съемочной группой фильма "Улыбка бога". За столом я сидел между оператором фильма и самим Романом Карцевым — очевидно, по этой причине на столе среди прочей закуски стояли тарелки с вареными раками. Впрочем, на застолье был запланирован съемочный день, и актеры честно отказывались от спиртного. Тем более что за столом сидел режиссер Владимир Аленков". Продолжение здесь: <http://jedsovet.com/press-club/264-00008-yazik.htm>.

Очень прошу принять меня в члены Всемирного клуба одесситов.

Александр Васильевич Богданов,
Статен Айленд, Нью-Йорк.

Здравствуйтесь, меня зовут Яков Лузский. Я из ОДЕССЫ. Жил на Нахичевской (между Торговой и Конной), возле Нового базара. Люблю наш город и люблю всегда буду. Душевный привет всем ОДЕССИТАМ!

"Jack" <yakov1@tjg.com.au>.

Уважаемые одесситы и не менее уважаемые их друзья, 22 августа в Мельбурне под председательством Тарика Волка (г. Сидней) состоялось открытие Международного клуба одесситов (МКО) в Австралии. К приглашению принять участие в этом мероприятии, открыто говоря, я отнесся скептически, в чем я глубоко ошибся. Каюсь! Каюсь! Каюсь! Я думал, что у молодежи это не вызывает интерес, а мое поколение настолько озабочено своими болячками, что невозможно оторвать мягкое место от дивана. Это же мнение со мной разделяли все те, кого я одвонил. Но когда я окупился в коллектив приглашенных, я увидел, сколько интересных людей нас окружает, и мы сами себя лишаем возможности общения и времяпрепровождения. Я очутился в родной обстановке, шутки, юмор плюс шашлыкское под одесское оливье от братьев Арбатых — это было что-то с чем-то. Так что, дорогие друзья, как поется в песне Окужавы: "Возьмемся за руки, чтобы не пропасть поодиночке".

Р. С. Сестро Тарика Волка я знаю 70 лет, что интересно: матери фамилия была Зайчик.

Здравствуйтесь, господа!
Меня зовут Ида Райф.

Я не одесситка, мое "счастливое детство" прошло в Ленинграде. Шутки шутками, а вот уже почти 30 лет я австралийка, жительница солнечного Сиднея, с удовольствием читаю (когда попадет) одесский юмористический журнал "Фонтан". Прошу принять меня в члены клуба одесситов, который

начинает уверенно шагать по планете, и приобщить меня к миру замечательного одесского юмора. Надеюсь, в нем соберется столько интересных и остроумных людей, что негде будет яблоку упасть. Прошу в моей просьбе не отказать и обещаю выполнять все правила и ритуалы клуба.

Прошу принять меня в ваш Всемирный клуб одесситов, т. к. мне это крайне необходимо...

Я — двоюродная часть этого города)))
Мои двоюродные братья — уважаемые граждане Одессы!

Благодаря моим родственникам я чудесным образом познакомилась с этим знаменитым и теперь глубоко любимым мною городом)))

Я всем сердцем хочу оставаться частью Одессы, её великого наследия: специфического одесского колорита, особого духа улиц и нрава людей.

Lara Nikolaishvili
lariosick@gmail.com

Уважаемые одесситы!

Прошу принять меня в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов.

Лариса Агамалян-Николайшвили.

Я — физик по профессии, проживаю в Тбилиси, очень люблю мой город, как и Одессу. В одной из прошлых жизней наверняка была одесситкой, иначе чем объяснить мой нескрываемый интерес к одесскому фольклору и необъяснимую тоску по Одессе?!

В 2009 году вышла моя первая книга "Лариса в стране чудес", в которой одна из повестей "При прощании в Одессу" посвящена дорогому моему сердцу городу.

С уважением и надеждой —

Лариса.

Уважаемый Леонид! Нет слов от избытка чувств. Билет потрясающий, а главное — подпись всеми обожаемого Михаила Михайловича. Спасибо вам огромное за доставленную радость. Жизнь стала веселее. Единственная просьба — добавить к фамилии Николайшвили (моего супруга) мою девичью фамилию — Агамалян, если это, конечно не затруднит вас. Когда-то я подписывалась "Лариса Шмигд", имея в виду "детей лейтенанта Шмигды", но, как оказалось, все четыре дочери славного лейтенанта были "глупые, нелюбимые и некрасивые", и я вернулась к своей фамилии.

Лара.

Просто от моего отца у меня осталась только фамилия — его расстреляли в 1937 году. Он был заведующим отделом культуры и пропаганды Заккрайкана (то есть всего Закавказья). Он бы гордился мной. Я прошу Вас увековечить его фамилию — Агамалян, если это не создаст новых сложностей. Между прочим, в 1933 году в Тбилиси на конкурсе лучших чтецов Маяковского отец занял первое место, как, впрочем, и в Крыму. Мне трудно остановиться, когда я начинаю вспоминать отца.

С уважением и извинением —

Лара Агамалян.

Упоминание Михаилом Жванецким моего имени в поздравлении по случаю 25-летия Всемирного клуба одесситов дает мне право, но, самое главное, оказывает огромную честь организовать его в Австралии. А, как сказал Михаил Михайлович, "Тарри Волк слов на ветер не бросает"! И посему с радостью и гордостью сообщаю, что к 25-летию Всемирного клуба одесситов в Австралии уже

25 человек получили удостоверения виртуальных членов клуба!

С днем рождения, Клуб! С днем рождения тебе, дорогой директор Леонид Рукман. Спасибо за руку помощи, протянутую через океан. И теперь можно протянуть еще одну красную ниточку на карте планеты от Одессы вправо и вниз, где мы все вместе с коалами и кенгуру любим вас и гордимся вами!

С 25-летием гениальной, как все созданное Жванецким, глобальной и многомерной идеи создания этого клуба!

Здорового долголетия Михаилу Жванецкому и его детищу — Всемирному клубу одесситов.

Итак, мы начинаем! Будет много интересного! Следите за нами!

Тарри Волк, Сидней.

Эх, Менделевич ты мой, Менделевич. Что ты набормотал.

Прислал сайт (<http://odessa-tetory.info/>). Я до поздней ночи читал. Замечательная работа.

Илья Дубинский.

Здравствуйтесь, ув. Леонид! Я вам нескладно благодарна за быстрый ответ и адрес сайта! Я уехала из Одессы по назначению в 18 лет, а сейчас у меня цифры стоят на оборот, ещё и с гачком. Мы с Аркадием Евсевичем, светлая ему память, переписывались. Он очень гордился своей программой привития патриотизма одесским школьникам. Из-за разницы в возрасте мы с ним часто спорили, где и что находилось в Одессе. Он в детстве жил на моей улице Польской: я — в № 17, а он — в № 3. Я помню: ходил трамвай в порт до войны, да и многое другое... Для меня его смерть была большой потерей, и я посылаю соболезнование родным и близким. Я рада, что он успел побывать у нас в Израиле. Это я прочла в отчёте клуба. Вам, Леонид, здоровья!

С благодарностью и уважением —

Талина.
getrai@actcom.net.il.

Ваш сайт посмотрел. Советую Вам все-таки (конечно, при наличии финансовых возможностей) издать отдельной книгой биографический справочник "Они оставили след в истории Одессы". Все-таки книга есть книга, это не диск, и это будет хороший подарок для многих, интересующихся историей Одессы. Такую книгу было бы приятно поставить на полку, и это была бы хорошая память для всех.

Максим Илев.

Дорогие друзья!

Рад, что узнал о таком интересном и важном проекте, каковым является проект "Они оставили след в истории Одессы".

Мой отец, Терновой Константин Сергеевич, одессит по рождению, много сделал для здравоохранения Одессы и Украины. Мемориальная доска в его память висит на доме где он жил: ул. Еврейская, 20.

Что мне нужно сделать, чтобы вставить на ваш сайт информацию о нем?

Далее: ссылка на академика Филатова Владимира Петровича у вас на сайте есть, но она неактивна. Моя жена — Филатова Елена Сергеевна, внучка Владимира Петровича. Могу прислать данные по Владимиру Петровичу, если есть такая необходимость.

С уважением —

С. Терновой.

Дорогой Леонид!

Спасибо за письмо.

Готовить материал о Константине Сергеевиче Терновом я могу начинать. Как будет готов, отправлю Вам.

Что касается Филатова Владимира Петровича, то его невестка живет постоянно в Германии, и я могу ей сообщить. Скорее всего, у нее есть дополнительные материалы. А внучка Владимира Петровича (Филатова Елена Сергеевна) живет в Москве.

Я уехала из Одессы в Москву в 1978 году.

С тех пор живу в Москве.

Работаю в Первом Московском медицинском государственном университете им. И.М. Сеченова и Кардиологическом научном центре.

С уважением —

С. П.

Уважаемый Леонид Менделевич!

Вашу почту получили, большое спасибо за внимание и перед ачу. К большому сожалению, конец лета и осень этого года принесли мне много огорчений и неудобств: ушел из жизни ряд моих друзей и товарищей, в том числе и Алик Розенбойм и Аркадий Креймер. Из-за болезни и систематических неполадок с моим ПК и телефонной связью не смог выразить соболезнования ни их близким, ни членам ВКО. Не удалось поздравить Вас и многих моих одесских и иногородних друзей со всеми праздниками, в том числе и с годовщиной нашего города. Хочу особо поблагодарить Вас за труд, заботу и усилия, которые Вы приложили к процветанию ВКО. У меня есть диск "Они оставили след...", вышедший в прошлые годы. Диск, выпущенный при содействии Аркадия Креймера, после этого мне получить не удалось, жаль. Если есть возможность получить новый материал такого плана, буду рад его приобрести. Также рад тому, что Вы познакомились с моим внуком Андреем.

Хочется знать: кто во ВКО сменял Вас, Леонид Менделевич? Прошу передать привет и наилучшие пожелания нашим общим знакомым.

Вам желаю бодрости, творческого запала и, конечно, здоровья, здоровья, здоровья!

С уважением —

Ваш И.М. Безчастнов.

Спасибо за такую возможность. Рад был найти в тематическом справочнике фамилии своих двоюродных братьев: поэта В.А. Бершадского и Б.И. Кушнера, детей моей тети Офелии Семеновны Кушнер и дяди Кушнера Иосифа Семеновича. Всего в семье было три брата: Семен, Иосиф и Михаил (мой отец) — и три сестры: Офелия (маленькая Бершадского В.А.), Берта и Бронислава. Из всех Кушнеров на сегодняшний день живы мы трое: Кушнер Семен Иосифович, Кушнер Юдифь Семеновна, проживающие в Америке, и я, Кушнер Семен Михайлович, проживающий в Израиле. Я врач-невролог, профессор и доктор медицинских наук, член-корр. РАЕН, член исполкома Союза неврологов России. В 2009 г. мне был вручен диплом "Лучший детский врач года" в номинации "Врач, ученый, педагог". Работал в г. Тверь, в медицинской Академии. Считал бы за честь быть в списке врачей-одесситов и получить членство во Всемирном клубе одесситов. Кстати, брат М.М. Жванецкого, Борис Жванецкий, дружил с нашим Борей Кушнером, что я с удовольствием услышал от М.М. Жванецкого при посещении им г. Тверь). Спасибо за Ваш труд по славу Одессы.

С уважением —

Семен Кушнер.

Журнал "Новый мир" № 9 за 2015 год, раздел "Книги". Боршиполец Елена. Толубая звезда. Одесса. Издательство КЛ ОЛП, 2015, 83 стр., 300 экз.

Первая книга поэта, лишенная признаков литературного ученичества; книга поэта уже со своим сложившимся поэтическим миром — "И некогда со мной поговорить / По-птичьи, кроме птиц, / И что тут скажешь, / Если я зная, / И птицы на обед ко мне приходят. / Хотят летать. / Прицелились себе. / Но я зная — зная! / И из меня бы вышел дивный переплет / Для нескольких страниц". Вот эти "несколько страниц" и представляет вышедшая книга — стихи последних трех лет, надо полагать, только часть (и, скорее всего, малая) уже написанного Еленой Боршиполец, с таких стихов, повторяю, не начинают.

Стихи для Боршиполец Елены — ее способ обнаружения той подлинной реальности, которая вокруг нас и, соответственно,

в каждом из нас; в каждом, как в неимоверно крохотной частице мира, породившего нас, и — уже в случае Боршиполец — мира, который мы способны встроить в себя. Выстраиванием своей картины мира, занимается, по сути, каждый поэт, но в данном случае принципиальное значение имеет то, где и как автор "ставит свет". Просветка мира в стихах Боршиполец идет из "бытийной глубины", из ощущения своей жизни на той глубине живой, где еще нет принципиальных различий между человеком, деревом или птицей. Где, собственно, и можно почувствовать, чем крепиться ты к жизни. Вот как бы простенковый, незамысловатый — "эскизный" — стихотворение, который на самом деле стих о том состоянии, когда ты лишен кураторства извне, ну, скажем, как в этом ("Прогресс") стихотворении, от подсознательного ожидания звонка — звонка на перемену, на поздравление (колокольный, в отличие от школьного, звон), ну или хотя бы звонка трамвая (в стихотворении этим мы идем с поэтом пешком),

и в итоге — неожиданный образ экзистенциальной свободы.

При первом чтении стихи Боршиполец могут произвести впечатление почти редуса. В выборе художественных средств Боршиполец аскетична. Черно-белая графика, почти знак, почти иероглиф, которому как будто не хватает эмоционального "поэтического" напора — интонационного, "живописного", с тонами и полутонами, помогающими до формулирования автором понять формулируемое. К тому же в этой ее графике дается, как правило, сочетание как бы несочетаемого, но это, повторяю, на первый взгляд, потому что созданная автором картина мира, ее ощущения жизни предполагает собственные понятийные ряды и соответствующие им ряды образные, свои взаимодействия понятий и явлений — "... Мой мир болеет лестницей вверх, / бесплодным солнцем, сломанным закатом, / стихом, дипломом неадекватного / и тысячей малиновых корней...".

Сергей Косырко.

Галина ВЛАДИМИРСКАЯ (директор клуба 1998 - 2006)

25 лет соединения одесситов всех стран

Всемирный клуб одесситов — это словосочетание известно не только жителям нашего удивительного города. Оно объединяет сотни наших земляков, которые, по меткому выражению Михаила Жванецкого, тонким слоем покрыли весь земной шар. Собственно, именно в гениальной голове Михал Михалыча родилась идея такого объединения одесситов "рассеянных" и "сосредоточенных" (снова цитируем классика!) — то есть тех, кто рассеян по многим странам и весям, и тех, кто по-прежнему сосредоточен в родном городе.

С момента реализации прошло 25 лет, и все эти годы во главе клуба неизменно стоял его президент Михаил Жванецкий. А вместе с ним (кто тоже — неизменно, кто — позже вливаясь в стройные ряды) "несли идею в массы" вице-президенты Евгений Голубовский и Валерий Хаит, члены авторитетного президентского совета, дирекция клуба и, конечно же, многочисленные члены ВКО, которые теперь есть не только в Одессе, но в других городах и странах, где появились отделения этой необычной общественной организации.

Юбилей отмечали дважды. Сначала, 4 сентября, в Горсаду — при всем честном одесском народе. Всемирный клуб одесситов подарил землякам концертный вечер с участием Михаила Жванецкого, пианистов Алексея Ботвинова, Юрия Кузнецова и Эрнеста Штейнберга, певицы Ольги Оганезовой, лидеров "Масок" Георгия Делиева и Бориса Барского и многих других. Президента, его товарищей по клубу и всех собравшихся от имени городских властей приветствовал секретарь горсовета Олег Брындак (ему так было что предъявить в качестве подарка: в части помещений клуба сделан ремонт, и приводится в порядок фасад исторического здания по Маразлиевской, 7, в котором он находится).

А 5 сентября в отеле "Бристоль" "сосредоточенные" и "рассеянные" собрались более узким дружеским кругом. Им было что вспомнить, чем поделиться, над чем посмеяться и кого помянуть: ушли в мир иной члены президентского совета — создатель Дома с ангелом Борис Литвак и писатель Георгий Голу-

бенко, заместитель директора краевед Аркадий Креймер и знаток Одессы, литератор Александр Розенбойм...

Звучало немало приветствий: президента Всемирного клуба одесситов (конечно, вызвавшее улыбки и бурные аплодисменты), заместителя городского головы Зинаиды Цвиринько; а также тех, кто стоял у истоков создания ВКО: Валентина Симоненко (он возглавлял горисполком четверть века назад и принимал решение о выделении клубу помещения) и Эдуарда Гурвица (именно ему довелось 25 лет назад от имени городских властей выступать на презентации клуба). Поздравили друзей с юбилеем член президентского совета Сергей Гриневецкий, который сейчас активно помогает клубу, а также одесситы по рождению, ныне москвичи — директор Московского отделения ВКО Сусанна Альперина и научный руководитель госуниверситета "Высшая школа экономики" Евгений Ясин (именно в Москве живет немало одесситов, объединенных не только в клубное, но и в неформальное сообщество под названием "Одеколон", т. е. "одесская колония").

На торжестве говорили обо всем, кроме работы. А за эти годы клуб внес свою очень существенную лепту в сохранение культурного, литературного, исторического, архитектурного наследия города и в развитие современной культуры и литературы. Здесь — и экспонирование выставок одесских художников, и издание книг, и выпуск литературно-художественного альманаха "Дерибасовская — Ришельевская" и газеты "Всемирные одесские новости", и многое другое...

Благодаря энтузиазму Леонида Рукмана, в течение последних девяти лет — директора ВКО, Одесса вспомнила (и запомнила!) сотни имен своих талантливых детей: в соавторстве со студией компьютерного дизайна "Нулевой километр" созданы компакт-диск "Они оставили след в истории Одессы" и новый сайт под тем же названием.

Это уже второй сайт. Первый создан давно и числится среди самых посещаемых. А все почему? Потому что те, кто его наполняет, неизменно следуют девизу клуба: "Одесситы всех стран, соединяйтесь!"

Приветствие участникам Одесского международного литературного фестиваля

Бывает так, что и Богу не всё всегда удаётся с первой попытки. Задумав Вавилонскую башню и придя к мысли о том, что научить разных людей разным языкам можно и посреди стройки, он, наверное, и совершил промаху, которую потом, спустя много лет, исправил. Так что Одесса — это вторая попытка сделать то, что не было сделано в Вавилоне.

Сюда, на пустынный берег моря, двести двадцать лет назад пришли люди более чем ста национальностей — каждый со своим языком и своей культурой. Ими двигала общая идея — создать чудо. И они это чудо создали.

Хороший одесский прозаик Гарик Голубенко сказал, что Одесса — это улыбка Бога. Мы можем только подтвердить это.

С чего начинается любой нормальный город? Естественно, с администрации. После администрации необходимо понять, для чего этот город. Для Одессы это, конечно, порт. Ну а третье? Третьей должна быть солиднейшая тюрьма. Так вот, в Одессе третьим стал оперный театр. Этим мы обязаны герцогу Ришелье. Администрация, порт

и потом — спустя пятнадцать лет после основания города — оперный театр. И культура в этом городе была всегда если не самой важной, то, по крайней мере, не менее важной, чем торговля, чем промышленность, чем, в конце концов, мореплавание.

О том, что Одесса — культурная столица, начали писать в начале XIX века. Поэт Туманский сказал, что Пушкин дал Одессе грамоту на бессмертие. Но не только Пушкин. В Одессе жили поляк Мицкевич, украинец Гоголь... Они заложили тот фундамент, на котором дальше и росла одесская литература.

Очень часто говорят об одесской литературной школе. Я согласен с одесско-киевско-московским критиком Олегом Кудриным, что правильнее было бы говорить не о школе, а о волнах. Была первая волна, которая дала фантастический накат в виде классиков. Затем — вторая волна, которая привела в наш город удивительного человека, тогда ещё, по сути, Россией не познанного — фельетониста Власа Дорошевича. В Одессе он стал "королём фельетонистов". В Одессе он научил писать целую пле-

яду писателей. У него учились самые разные люди — Корней Чуковский и Владимир Жаботинский, Лев Троцкий и Илья Ильф. Они учились у него не только строить фабулу, но и фантастически придуманной им хлесткой короткой строке. Именно Дорошевич определил понятие "одесского языка", ввёл его в русскую литературу.

Да, мы говорим не на русском, мы говорим не на греческом, не на еврейском, не на украинском — мы говорим на одесском языке, в котором есть части всех этих языков.

Для мирового культурного сообщества Одесса открылась как огромного значения культурный город, а может, и целый мир в начале XX века. Имена Бабеля, Олеси, Багрицкого, Катаева, Паустовского, Ильфа, Петрова — можно продолжать и продолжать. Действительно: каждый из них — материк, новооткрытая Земля со своим населением, своими взглядами.

И на всех этих этапах в Одессе поражало немыслимое для остальной России чувство свободы. Об этом писали маркиз де Кюстин, Марк Твен, Луи Арагон...

По легенде, после этого литература в Одессе закончилась. Это неправда.

Такой пример — Иосиф Бродский, который приезжал в Одессу, который любил Одессу, который посвятил Одессе прекрасное стихотворение, за свою жизнь составил всего два "Избранных" своих соотечественников. Это избранное Семёна Липкина "Волна", и это избранное Ирины Ратушинской — девочки, которая в Одессе вошла в диссидентское движение, стала независимым человеком, одной из первых угодила в лагерь из Киева и которая стала в Москве превосходным писателем. Так вот, и Липкин, и Ратушинская — одесситы.

И в 30-е, и в 40-е, и в 50-е, и в 60-е годы литература в Одессе была. Она не занимала, возможно, столь значительного места, и, тем не менее, хотелось бы, чтобы нашлись исследователи, которые прочитали бы внимательно и прозу Аркадия Львова, и стихи Бориса Нечерды, и стихи Юрия Михайлика, Анатолия Глушца, Ефима Ярошевского, Анатолия Гланца, Ольги Ильницкой... И опять — отлив волны. И снова — новая волна.

Смерти нет! Но есть Бармалей

Однажды я играла во дворе и мне срочно понадобился мой мяч. Я забежала в дом и, не снижая скорости, влетела в нашу с братом комнату. Мячик должен был ждать меня под кроватью. А на кровати лежала моя бабушка. Она держалась за сердце и тихо стонала. Ее "прихватило", пока она была на огороде.

— Что, бабушка, умираешь? — по-деловому спросила я.

— Да, внученька, умираю, — ответила бабушка, надеясь услышать слова сочувствия.

— Ну, ничего, бабушка, — успокоила я ее, — я тоже умру.

Выудив мячик из-под кровати, я убежала во двор. А бабушка еще не раз вспоминала, как осталась лежать на кровати, держась за сердце и пытаясь не смеяться. Смеяться ей было больно, но не смеяться она не могла.

— Посочувствовала родной бабушке! — вспоминала она мне спустя годы.

Вы только не подумайте, тогда я не была жестокой. И я умела сочувствовать. Но когда знаешь, что ничего страшного не произошло, то что ж поделаешь?

Я помню, как мой брат бежал из нашей спальни и кричал, что не хочет умирать. Может, ему что-то приснилось? Я почему-то в это время еще не спала. Взрослые пытались его утешить, но он продолжал кричать, что не хочет умирать. Я подошла к нему и сказала правду:

— Смерти нет! — мне было странно, что он не знает.

Откуда знала я? Да я видела это собственными глазами! Вернее, когда закрывала глаза. Я часто это видела.

Абсолютно черное пространство. Нет ни пола, ни стен, ни потолка. То есть они есть, но их не видно. Мы лежим на полу: мама, брат и я. Так можно догадаться, что пол все-таки есть. Но все равно ничего не видно. Зато нас видно очень хорошо. И мы мертвые лежим на полу. Наверное, мы умерли одновременно. А потом приходит медсестра — молодая тетенька в туфлях на каблучках (я даже слышу, как ее каблук цокают по деревянному полу), на ней белый халат и белая шапочка с красным крестом. Ее тоже очень хорошо видно. В одной руке она держит стеклянный пузырек с большим бумажным ярлыком, а в другой — столовую ложку или даже больше, чем столовую. Она по очереди подходит к нам, наливает в ложку из пузырька какую-то микстуру, а потом наклоняется и выливает ее в рот сначала маме, потом — брату, а потом — мне. И мы встаем. И мы живые.

Так что главное — не паниковать, даже если вы умерли, а просто дождаться медсестры.

И вообще: на свете есть вещи страшнее смерти. Например, Бармалей. Я точно знаю, что вы поня-

тия не имеете, насколько это страшно. Но это единственное, чего стоит бояться. Вы, наверное, начитались Чуковского и насмотрелись картинок в книжке. Мама нам каждое утро читает книжку "Чудо-дерево". Мы с братом ее очень любим. И Чуковского я очень уважаю. Он многое знает. Там рыбы по полю гуляют, и крокодил папиросы курит, и ботиночки на дереве растут. В общем, если человек умный, это видно сразу. Но с Бармалеем он явно промакнулся. Когда я первый раз увидела рисунок с Бармалеем, я решила, что это шутка такая. А потом поняла, что они с художником просто ничего не знали. Так вот, сегодня, похоже, вы узнаете правду.

Он приходит, только когда рядом никого нет и никто не поможет. Он приходит только тогда, когда я сплю. Мне снится комната. Моя обычная комната. Насколько обычная, что вы бы никогда не догадались, что это сон. И я играю в игрушки. А потом я понимаю, что приближается Бармалей. Я это чувствую кожей, душой, поджилками. И шторы на окне начинают вздуться и тянуться в мою сторону. Никак нельзя, чтобы Бармалей не пришел. Потому что даже шторы уже все поняли. И я одна. И самое страшное — это увидеть его. Поэтому я всегда падаю лицом вниз и закрываю голову руками. И я чувствую приближение силы, против которой ничего не могу. И шторы срываются с карниза и накрывают меня. И тогда я просыпаюсь и кричу: "Бармалей"! И я бегу

в комнату к маме. Передо мной абсолютно черное пространство. И всегда в абсолютной черноте эти желтые горящие пятна у меня перед глазами. И ничего не видно. Но это не важно. Я и так знаю, куда бежать, чтобы найти маму. Или мне так страшно, что я не могу пошевелиться, а только кричу: "Бармалей!" И тогда мама бежит ко мне. Она ложится рядом, обнимает меня и что-то говорит, и я уже не боюсь. Я знаю, что сегодня он больше не придет. Потому что он приходит, только когда рядом нет никого и никто не поможет.

Так что вы теперь понимаете, что его никто не видел и поэтому никто не может его нарисовать. И тот Бармалей у Чуковского — просто мелкий жулик.

Но знаете, жизнь очень смешная штука. В ней постоянно что-то меняется. Многие на это жалуются. Я и сама из-за этого тысячу раз выглядела глупо. Но все же мне всегда было легко, потому что я живу, зная главное — смерти нет, а все, что есть у меня, я могу прикинуть на пальцах. Это упрощает подсчеты, делает жизнь понятной и прозрачной, и я в любой момент могу подвести итог. И я делаю это каждый вечер. И этот итог уже много лет не меняется: у меня остался Бармалей, но мама больше не придет.

Ну да! Да!!! Ладно! Черт с вами! Пусть будет по-вашему! Пусть будет наоборот.

Майя ДИМЕРЛИ.

Пчела

А я всегда себе казалась бестелесной. Ну, в крайнем случае, скалой отвесной. Вы знаете, как выглядит скала? И я не знаю, чтобы пальцем указать, Чтобы сказать: "Вот видите, — скала скалу целует!"

Весь день я так могу смотреть, стоять, Стоять, смотреть, стоять, смотреть могу я, Как сильный ветер разрывает неба крону, Как божий гнев не страшен Пантеону, Пока последняя не умерла пчела, Пока скалу — не предала скала.

Чёрный парус

Ты спишь, Тристан, а снова, без конца, Не полиняв ещё, уходит лето. И прихожане ультрафиолета Молебен норовят стереть с лица.

И птицы всё курлыкают во сне, Не то голубки, а не то вороны. Им снятся золотой горох зелёный И аист, побывавший на войне.

Кривая чайка снов совсем не видит, Слепая чайка видит, но не те,

Всё чаще — девушку в невидимой фате, Которая в замужество не выйдет.

Ей были новости, их аист приносил, Такие тёплые стояли дни и ночи, Кривая чайка видеть сны не хочет, А девушке смотреть не хватит сил.

Я знать хочу, что видишь ты, Тристан: Безумную волну, короткий берег, На нём следы, и следует поверить В Изольду поглотивший океан.

Елена БОРИШПОЛЕЦ.

Зовут её смерть, и ни понять её, ни полюбить

Бывают удивительные явления в жизни. И удивительные встречи.

Я решила в очередной раз уйти из дому. Было мне тогда пять лет. Мои родители уже привыкли, что со мной такое случается, и, переставая волноваться, не отыскав, в конце концов, беглянку и вымыв ее запыленные руки-ноги, спрашивали голосами мягкими и безнадежными:

— Алена-гулена, почему ты заставляешь нас тревожиться? Мы ведь волнуемся за тебя. Пожалей нас! — добавляла заплаканная мама.

Я не умела ответить на этот разъединственный вопрос. Действительно: почему я

их, таких родных и хороших, заставляю тревожиться?

Я просто чувствую, что пришло мгновение встать и пойти туда, где дорога убегает мимо финских домиков вдоль румынской границы, по-над Прутом, туда, ну, туда, где очень тихо. И только иногда речная волглая тишина нарушается душераздирающей музыкой. Чьи души она раздирает? Кого оплакивает?

Там, откуда музыка доносилась, было кладбище. И я ходила смотреть, как взрослые закупают того, что больше им не нужен. По-кричат, закопают и уйдут. Тогда я подходила, присаживалась на свежий бугорок и думала всегда одно и то же: "Эй, ты, там, в ящике, те-

бе страшно? Может, хоть цветы скинуть, чтоб не так на тебя давило? А может, вообще тебя откопать? Выпустить из глубины?"

Попыталась однажды, но помешал солдат. Настоящий солдат, только без винтовки. Он подошел и спросил:

— Ты что, могилу откапываешь? Там кто твой?

Лицо у солдата было некрасивое, с длинным носом и маленькими глазками, затерянными в густых рыжих ресницах. Он из дремучих этих ресниц смотрел, не мигая, и ждал. Глаз с моих рук не сводил. А я растерялась и потому продолжала копать.

— Солдат, — сказала я, — понимаешь, я думаю, что в этой яме холодно, и одиноко, и дышать скоро будет нечем.

— А зачем дышать? — удивился солдат. — Там ведь уже не дышат. Там вечный покой, и его охранять надо.

— А, значит, ты пришел охранять? А где ружье?

— Я пришел знакомую навестить, она тут неподалеку лежит, — странно ответил солдат.

— И тоже не дышит?

— Конечно, не дышит, она же умерла.

— А зачем ты тогда пришел? Может быть, тебе помочь из ямы ее забрать?

Вдруг солдат спрашивает:

— Тебе сколько лет?

— Пять, но скоро будет десять.

— А что такое "умереть" ты знаешь?

— Да. Наказание такое — закапыванием. Никого еще не простили за умирание,

Международный литературный фестиваль в Одессе состоялся в Литературном музее. Наш город по предложению организаторов представляли литераторы — постоянные авторы альманаха "Дерибасовская — Ришельевская". Их рассказы, стихи — на этом развороте газеты.

Но прежде — о преждевременных утратах литературы Одессы. Это ставшая жертвой теракта молодой драматург Анна Яблонская. Это поэт, прозаик, драматург Марина Хлебникова, не много успевшая, но талантливая Елена Гассий. И, наконец, состоявшийся прозаик и драматург Георгий Голубенко...

Убеждён: сейчас мы находимся на приходе новой литературной волны. С ней мы и связываем надежды нашего альманаха "Дерибасовская — Ришельевская".

В нашем городе сейчас работает замечательный прозаик Сергей Рядченко. Далеко не все его прочли, далеко не все его осмыслили, осознали — хотя мы издали большой том его прозы в серии "Библиотека одесской литературы". Человек-оркестр Игорь Божко, прозаик, поэт, музыкант, художник. Выходят книги Олега Губаря — образцы современной минималистичной прозы. А рядом — совершенно юная девочка Майя Димерли, пришедшая с первыми стихами — неплохими стихами, хорошими стихами. Но вдруг в ней почувствовался прозаик. После первого рассказа мы попросили её писать прозу. И в этом году, я надеюсь, выйдет сборник её рассказов.

Эссеистика всегда была сложным жанром. И тем не менее — посмотрите, каких успехов добился Евгений Деменок. Его эссе, связанные с историей одесской культуры, читаются столь же захватывающе, как чьи-нибудь детективные романы. Потому что в них правда, в них поиск, в них находки того, о чём десяти-

ки лет или по незнанию, или умышленно говорили и писали неправду.

А поэты... Когда-то мы могли назвать Игоря Павлова, Галину Маркелову, Ано Стреминскую, Анну Сон... Сейчас, слава Богу, появились молодые. Такие как Евгения Краснорова, Елена Боришполец, Влада Ильинская, Юля Мельник... Мог бы назвать еще десяток, ещё ряд имён.

В Одессе нет проблемы, кто на каком языке пишет. Наиль Муратов только что издан и в Киеве, и в Москве. А год назад к нам пришла удивительная, талантливейшая украинская писательница Анна Костенко, и мы приветствуем её столь же радостно, как и молодых русскоязычных поэтов и прозаиков, принесших нам свои первые произведения.

Не назвал очень многих — любимых и читаемых: Сергея Четверткова, Вадима Ярмолинца, Анатолия Контуша, Веру Зубареву, Людмилу Шаргу, Илью Рейдермана, Игоря Потоцкого, Александра Дорошенко, Тину Арсеньеву... Что делать, это не Доска почета.

Я был бы несправедлив, если бы не сказал, что вот уже шестьдесят лет над Одессой светит звезда Михаила Жванецкого. А это надежный маяк и в одесской, и в мировой литературе.

Мне кажется, что Одесский международный литературный фестиваль состоялся очень вовремя. Сейчас можно вживую увидеть подъём новой одесской литературной волны. Воспользуйтесь этим.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

— Ти майже людина, — пролунало Ласкаве, — можеш запитати про що завгодно.
— Можу я побачити свою душу?..
— Звичайно...
Відірвали мені голову. З неї вилетіла якась велика істота, вища й ширша за мене.
Ласкаве вгадало мої думки:
— Дай свою долоню.
Я дало — душа стрибнула до неї і стала моєю долонею.
— Бачиш, яка маленька...

Не пам'ятаю, як потрапила сюди. Навколо біле тягуче світло. Підіймаюсь і бачу надприродні дерева з надприродними птахами. Ці птахи мають гарні крила і людські очі. Дивні птахи. Ці птахи мають нелюдські крила і гарні очі. Дивні птахи. Дерев, на яких сидять птахи, ходять. Птахи ходять по деревах, які співають. Гілка одного з дерев міцно тримає мій животик. Мене це не лякає, бо вітер загорнув моє тіло в туман білого тягучого світла. Я починаю рухатися. Мої ноги довшають, руки міцнішають. Я дивлюсь на своє тіло. Яке воно гарне! Яке маленьке, проте яке сильне! Я милуюсь собою, адже я жінка, хоча і ще неіснуюча.

Вітер лише обличчя. В його сліні я відчуваю тривогу. Зникли дивні птахи. Гілка надприродного дерева вирвалась із моєї плоти. Переді мною з'явилася стіна гіркого кольору.

— Не йди, — пролунало Ласкаве, — тобі ще зарано!
Все рівно йду.
— Не йди, — пролунало Ласкаве, — тобі ще зарано!

Йду. Відчуваю, як мої ноги колючкою з'їдає пісок. Заходжу по коліна — пісок. По груди — пісок. Далі не можу пересуватися. Щось із зовні мене роз'їдає.

Не чулися співи дерев: вони були далеко. Не видно. Поруч зі мною інші тіла. Рухаються, зникають. Знов з'являються. Проте я стою на місці і відчуваю нерестерпний біль. Відчуваю... востаннє. Повшток. Оглядаюся і бачу, що в мене зникають органи, зникає ще не існуюча жінка. Глина мого тіла тане разом із тими мовчазними тілами. Щось із зовні вбиває мене. Щось не хоче, щоб я була...

Куди мені далі прямувати — я не знало. Інший берег розлився чорним камінням. Він заповнений істотами із заплощеними очима. Мабуть, їм не потрібні очі, коли є така темрява й тиша...

Хочу продовжувати рух. Тепло й вогке заважає. Хочу жити, але не житиму...

Винирнуло з піску Воно і спитало:
— Тобі куди?
— Мене ще не було, коли вже не стало...
— Тоді тобі зі мною, — сказало Воно і поклато мене в прозору склянку...

Присвячується загиблим... від аборту.

Ганна КОСТЕНКО.

Присвячується загиблим...

Очі не потрібні, коли така темрява. Тиша, тонка і кольорова, гойдається. З'являється Воно, бере мене в прозору склянку і зачиняє на ключ темряву й тишу. Довгий спокійний шлях. Воно зупиняється тоді, коли потрібно.

— Ти — душа, отже ти скоро матимеш тіло, — сказало мені Воно, виймаючи із склянки, — ти ще не людина, бо не маєш тіла. Але в тебе є душа, отже, ти скоро матимеш і тіло. І я кажу це тобі.

Воно поклато мене на тепле й вогке.
— Це земля, — каже.
І я лежу на теплій, вогкій поверхні під назвою — земля.

Щось велике й легке підіймає мене до пекучого сяйва. Я відчуло, що скоро утвориться моє тіло.

Мене вдаряє в'їдливе. Я вгадало — це була вода. Вода була в мені. Потім вона залишила мене, мабуть, на декілька тисячоліть і повернулась із землею в руках.

В мене виростають вуха. Потім глиняні легені, але вони ще не вміють дихати. Виникають інші органи. З'являється серце. Живі очі. Я подумало: якщо є очі — не потрібна темрява. Я подумало — отже, в мене виник мозок.

Органи висять у повітрі. Не хочуть об'єднуватися в один організм. Зроблені із глини, почали розтікатися.

Вода поступово теплішає. Вогонь, що прилетів на допомогу, взяв її за руки, і вони почали танцювати. Мої, хоча ще не мої, органи почали зростатися, стрибачучи і пританцьовуючи. Дотик спалючого поцілунку вогню — це останній штрих. М'ясо і шкіра виникли від нього.

Знову Воно бере мене і кудись веде.
— Охолонь, — шепоче, — сідай отут і чекай на мене, я скоро прийду. Охолонь.

Сідаю. Охолоджуюсь. Ліворуч і праворуч сидять такі самі, як і я. Дивимось одне на одного та не порушуємо тендітного спокою.

Черга поповнюється з кожною хвилию нерестерпної тиші. Дивиться на мене, бо я здаюсь надто спокійне, що ж...

— Твоя черга, — вперше почули мої вуха, — пішли. Твоя черга...

Йду. Потім лечу над високо-далекими сходами. Я не вміло рахувати, але сходинок були нескінченні.

— Стій.
Я стало на коліна. Я виснажене.
— Ти будеш жінкою, — пролунало Ласкаве, — твоє тіло ще не бездоганне, але в тебе є душа.
— Я не бачило її...
— Ти не бачила її, бо ти сама душа. В тебе ще не бездоганне тіло. Але ти будеш жінкою. Воно зробило мені знак.

никого отсюда назад не забрали. А ты ее заберешь?!

Солдат расплакался и ушел. А я поняла, что такое "тревожиться". Я пошла следом за солдатом, чтоб его утешить.

Пришли мы к огромной яме. В яме было много травы.

— Сбросы шалфея, — объяснил солдат. — Жмых, понимаешь?

— Понимаю. А зачем его сюда сбрасывают? Чтобы закопать?

— Нет. Сюда недавно лошадь из нашей части упала. Ее под нож собирались пустить, из-за болезни. Но лошадь пропала. Заблудилась, наверное. И я нашел ее в этой яме. Приходил к ней, смотрел. Она сначала глаз не открывала. А потом вдруг голову подняла и по-

смотрела, как живой человек. Как будто попросила: "Не рассказывай никому, что я в яме шалфеевой лежу. Мне тут хорошо". Ну, я никому и не говорил. Хлеб приносит стал, сахар. Но она ничего не хотела. А в один прекрасный день смотрю — стоит лошадь на всех своих четырех ногах и морду на край ямы положила. В общем, помог я ей выбраться; доски настелил, ну, подпихивать стал, а она все правильно делала, понимала. И мы с ней пришли в часть. Она совсем здоровая оказалась. Никто не верил, что такое бывает.

Мы с солдатом больше не виделись. Но как-то раз я заболела — жар приключился, кашель. Мама налепила мне на спину и грудь горчичники и сказала:

— Спи; попечет немножко, и я сниму.

Ко мне является моя тень:

Она считает себя таковой,
Но даже в самый свой трудный день
Она не выглядит неживой.

Сидит со мной за одним столом,
И пьет остывший несладкий чай,
И обнаженным своим плечом
Меня касается невзначай.

И тень моя говорит со мной
О том, как тенью быть тяжело,
О том, как зябко было зимой,
Но летом снова станет тепло.

А я ответить на то готов,
Что лето — каверзная пора,
И даже в лучшем из городов
В июле будет стоять жара.

Асфальт расплавится на жаре,
И тень расплавится вместе с ним,
Пусть очень холодно в январе,
Зато мы будем совсем одни

В пустом дому, что промерз насквозь
И где не топлен давно камин,
Где с тенью собственную поврозь
Я прожил годы совсем один.

Четвёртая стража

Тот, кто войти под твой стремится кров,
поёт, не выговаривая слов;
не кашляет охрипшим nevermore'ом —
в невидимое дует паруса,
и тонкие чужие голоса
ему бесстрастно подпевают хором.

До сна ли тут, когда сгустилась мгла.
Жужжи, жужжи, казённая игла,
верти волчок, царапай дно колодца;
искрится нить в стеклянном колпаке,
и свет её с той мглой накоротке,
что в стены ненадёжные скребётся.

Твой терпеливый гость тихонько трёт
напильничком мышиным взад-вперёд.
Поёт волчок, подрагивает веко;
жужжи, жужжи, наматывай круги.
Снаружи, как положено, ни зги,
ни зверя, ни звезды, ни человека,

что, собственно, не значит — ни души.
Звени ключом, бумагами шурши —
не отменить присутствия, дыхания
и в воздухе особой тесноты,
что предвеляет взгляд из темноты
и влажных крыльев лёгкое касанье.

И, в общем-то, всего осталось чуть —
неловко улыбнуться и шагнуть
навстречу, путь себе отрезав к бегству,
и губы разомкнуть не без труда,
чтоб прошептать дежурное: "Куда
ведёшь меня?" И далее по тексту.

Песенка

слово на ветер, стая
с клёкотом на карниз

Слизни

Листок переползают слизни,
а селезни утожат пруд.
Я в подетальный список жизни,
конечно, внес бы их маршрут.

Но списка нет. И сад осенний
наполнен запахами прелли.
Он лишь нарезка из мгновений,
что выжить в памяти сумели.

А в памяти тускнеют лица,
с дымком костров уйдут детали.
Увы, желанье сохраниться
реализуется едва ли.

Тропинка вьётся луговая,
через мгновенье дождик брызнет,

И на полу разведя костер,
В неярком свете его огня
Я сам с собою вел разговор,
Ведь тени не было у меня.

А тень моя прожила сама
Весь этот долгий печальный срок,
И если мы не сошли с ума,
То потому лишь, что Бог берег!

И оттого, что Он нас берег,
Мы вновь сидим за одним столом
И продолжаем наш диалог,
Который вроде бы ни о чем.

И тень моя говорит со мной
О том, как тенью быть тяжело,
О том, как поздно этой весной
В наш город снова пришло тепло.

И я готов согласиться, но
Мне больше хочется промолчать,
Я допиваю свое вино,
А тень моя — свой остывший чай.

И завершив этот трудный день,
Мы с тенью выйдем из-за стола
И вместе с ней удалимся в тень,
Которой раньше она была.

Наиль МУРАТОВ.

чёрная, винтовая,
дрогнула, как живая
конус улиткой вниз

не отдышавшись толком
в пропасти между волком
и беспородным псом
всё растолкать по полкам
не хлопоча лицом

сдавит, потом отхлынет
чай беспризорный стынет
известь хрустит в крови
в скважине ключ заклинит
letum non omnia finit
не улетай
живи

Цветок в заветном саду сорвать на ходу,
на бегу,
на берегу пруда, в котором весь мир двоится;
не расслабляйся, путник,
не пей обманной водицы,
ужин отдай врагу.

Враг не бывает сыт. Отдай мне то, говорит,
чего в доме своём не знаешь,
о чём душа не болит,
а как придёт пора выкуп вести со двора —
попомнишь сад, и ограду, и пруд,
затянутый ряской,
пока народ провожает невесту
фольклорной пляской
и громким криком "ура".

Пальцы проклятый стебель жжёт.
Но идти до конца —
есть, по законам жанра, долг любого купца.
Ветер разносит пепел. Тихо; ворота настежь.
Дочка, встречай отца.

Ирина БЕНЬКОВСКАЯ.

и жизнь, как листья, подгнивает
в предчувствии скольженья слизней.

Счастье

Был, и есть, и буду счастлив
до конца, пока живой.
И не важно — день ли, час ли.
Это принцип и настрой.

У изгнанников из рая
впереди лишь терпежи.
Но себя превозмогая,
можно осчастливить жизнь.

И происхождение чуда —
в этом росте над собой.
Чтоб сказать: "Я есть и буду.
До конца, пока живой..."

Константин ИЛЬНИЦКИЙ.

ков больше не надо. Я вся пропахла шалфе-ем — и ночная зазелененная рубашка, и руки, и волосы. Меня папа нес на руках и вздыхал, а я была выздоровевшая, я чувствовала это, никакого кашля во мне не осталось.

С тех пор я люблю шалфей. И лошадей люблю, только побаиваюсь почему-то. Всегда мне видится не просто лошадь, а стоит вроде она в глубокой яме, из которой по-человечьи смотрит: не оставляйте меня одну, не наказывайте меня закапыванием и цветами!

А на кладбище я больше не хожу. Никто оттуда не вернулся на моей памяти, никто головы на край ямы не положил, как лошадь, никто.

Понимаете?

Ольга ИЛЬНИЦКАЯ.

Тина АРСЕНЬЕВА

Из Книги Книг

Композитору-симфонисту одесситке Алене Томлёновой выпала на зенит ее жизни странная эпоха. Бесцензурная — когда, в сущности, никому нет до тебя дела. Свободная — тебя, талантливого, в упор не замечать. Дерзкая — когда, к чему ни обратиться, все уже сказано.

Искусствоведы называют такое положение вещей "ситуацией постмодернизма". Такая вот усталость культуры, обрекающая ее адептов на нескончаемое цитирование. Ну, в лучшем случае — на вариации. Дать привычное во внезапном ракурсе или встряхнуть потребителя культуры новым напоминанием о прочно забытом старом — это нынче выглядит творческой удачей, в особых случаях — даже откровением: постмодернизм выявил своих гениев. Таковых, правда, единицы. Как правило, им присуща одна общая особенность: открыто задекларированная в их произведениях приверженность игровому началу. Никакой вам "полной гибели всерьез". Не дожидетесь!..

Сколько же столетий все мы прикидывались, будто не подозреваем, что искусство — грандиозная игра. Во всяком случае, ею оно стало с той поры, как обратилось от иконы к портрету, а от мессы — к симфонии.

В подобных культурных обстоятельствах как никогда велик соблазн моды. Непременно оказаться в мейнстриме, в струе! Даже если "струя" ничтоже сумняшеся мнит себя "подпольем", "андеграундом". Ибо сама по себе ситуация культурной вседозволенности, с неограниченной свободой выбора и сопутствующей этой свободе отменой канонов, стилей, критериев, иерархий — эта ситуация ликвидирует и неконформистское "подполье". Тебя вольны не замечать. Вольны на каждом твоём творческом шагу ловить за руку, громогласно вменяя: "Это уже было", — и обвиняя в эклектике и эпигонстве. Выгоднее "угадать — угодить", сиречь стремиться в мейнстрим. Даже так: все — в "авангард", и я — в "авангард". По крайности, сороковские гранты обеспечены.

Трудно, ох, трудно сегодня художнику — просто оставаться собой. Следовать призванию без оглядки на "тренды", но своеобразно всему, чем тебя Бог наделил. Для этого надобно смирение. Назовите сие философским стоицизмом. Или, может, тут пожизненное ребяческое неведение...

Алена Томлёнова умеет — оставаться собой.

...Наша насмешливая эпоха первоначального накопления, а точнее — окончательного дерибана, поставила перед Томлёновой рогатку посильнее цензурной. Дефицит "бабла". Без оного твои симфонические партитуры изначально обречены "в стол". Ведь не оплатишь же ты оркестр и хор из своего жалования педагога специальной музыкальной школы, будь она даже школа Столярского.

Есть и пикантное обстоятельство: Томлёнова в силу места рождения клеймена "одесской легендой". Окружена ореолом некоей культурной двусмысленности — вне Одессы. Ибо многочисленные воспеватели "бандитской Одессы", чьи описи, по слухам, разлетаются с лотков Москвы, подобно шаурме, немало порадили о вульгарном "имидже" вольного города. Нет, ребята, не впервой повторю: демократия так вредна культуре. Опасно дать демосу волю в культурных предпочтениях, не ставя перед ним планок и не вынуждая подтягиваться к уровню.

Меж тем выношенная, вымечтанная в течение двадцати (!) лет и даже сейчас находящаяся в проработке вещь Алены Томлёновой так и названа: "Одесская легенда". Названа — почтительно. Как бы с трепетом рыцаря, преклонившего колено.

Последний пассаж — не для красного словца. Алена, истинная и истовая дочь Одессы, влюбленная в свой многокрасочный город, несущая в своей кровеносной системе Бог ведаст какую смесь кровей, а в личном культурном коде Бог весть какие возможные влияния, в зрелом возрасте идентифицировала себя как католичка. В силу происхождения своей мамы, музыковедка Ольга Нивельт, чьи родовые корни уходят — в Австрию. Алена Томлёнова написала католическую мессу для хора: месса однажды была исполнена в концерте и, помнится, раза два — в одесском кафедральном Успенском костеле. Алена хорошо отдавала себе отчет и, главное, чувствовала, ЧТО

она сочиняет. Ее месса — безусловно и глубочайше духовное, религиозное, произведение, с корректным усвоением аутентичной европейской церковной традиции.

Но мог ли оставаться Алене чуждым — да язык не поворачивается такое выговорить! — мощный еврейский фермент Одессы, который, собственно, и дает городу неповторимый колорит, сгустившийся в печальную и озорную, ироническую и горькую Легенду, воплощенную в новеллах неподражаемого Исаака Бабеля?

С идеей произведения — оперы? оратории? — по "Одесским рассказам" И. Бабеля композитор Алена Томлёнова носилась с середины 90-х, набрасывая отрывки, разрабатывая темы. Официальная премьера "Одесской легенды" состоялась 9 апреля 2015 года в Одесской филармонии.

Надобно и мне оговорить "правила игры": пишущая эти строки — не музыкальный критик (но обратить сугубое внимание таковых на творчество Алены Томлёновой считаю своим долгом). Я даже не меломан. Мои музыкальные предпочтения, если честно, застряли где-то в эпохе барокко, а еще лучше — грегорианских песнопений. Остальное — беру точно. Говорить я могу лишь о вещах, мне близких. И да — музыка Алены Томлёновой мне близка.

Нравится то, что Томлёнова, обученная в Одесской консерватории — в обиходе тех нынешних композиторов, которые безоглядно ринулись в "авангардный" мейнстрим "атональных звукоизвлечений" (они сами это так называют), осталась привержена традиции симфонизма XX столетия: в чем-то для своего времени новаторской, но вполне "тональной" (простите мне сей непрофессиональный термин), то есть — с внятной и динамичной музыкальной драматургией.

Нравится, как умеет Томлёнова звуком — "рисовать картинку". Ее музыкальные произведения — зримы: будят в воображении образы в красках.

Нравится природный баланс в ее натуре художника, а стало быть, в ее описях, интуитивного и рационального, эмоции и рассудка. В музыке Томлёновой эмоция — не захлестывает, а разум — не иссушает. Что не отнимает у эмоций — мощи, а у разума — ясности. Музыкальный темперамент у Алены Томлёновой — из сильных, он даже подчас сокрушительен. Но неизменно — обуздан. Алене Томлёновой присуще редкостное и драгоценное качество — дисциплина духа.

Нравится, наконец, и явственный в ее произведениях игровой, театральный, замес (кроме, разумеется, ее мессы — тут уж не игра). Я, вообще-то, по профессии театральный художник: отсюда, понятно, и тяготения, и точки соприкосновения...

Импонирует и безошибочное стилизованное чувство, которым наделена Томлёнова. Ну, что тут подытожишь: художник постмодерна... как и все мы.

"Одесская легенда" — опус на пограничье жанров и в смешении стилей. Сегодня это нормально. Автор дала ему подзаголовок "Иронические сцены с пением и танцами". Впрочем, особенной иронии я не усмотрела в "Одесской легенде", поданной на премьере как оратория в силу состава исполнителей, набранного буквально на энтузиазме. Как нет в произведении Томлёновой и особенного смакования "одесского колорита", пусть и в его изысканно-литературном бабелевском варианте; нет стереотипного умиления "одесским языком". Да и что такое пресловутый "бабелевский язык", все эти якобы одессизмы? Не что иное как стилизация: открытая игра со словом. Это не "бабелевский" язык — это язык его персонажей, сгущенный из уличного говора. "Конармия" написана не этим языком, да и те "Одесские рассказы", в которых не являются Бенья Крик с Любкой Казак, писаны не на "одесском" языке. Язык Бабеля — в сущности, производное языка... библейского. Вся его чувственная цветистость — оттуда: из Книги Книг. Недоумеваю, отчего этого до сих пор не замечают, а если заметили, отчего не отмечают вслух...

Персонажи "Одесской легенды" Алены Томлёновой — персонажи бытийные: они уж никак не из анекдота. Я бы сказала — персонажи трагические, но "трагедия" прилична древней Элладу, откуда есть пошла, а герои "Одесской легенды" корнями привязаны к иному преданию.

...Клезмерская музыка пролога: "Утро на Молдаванке". Как определить настрой клезмерской музыки?.. Я бы назвала: музыка очертя голову. Но у Томлёновой она лишена народного простодушия: жестка и нервна сугубо джазовыми ритмами. Вот тут я невольно улыбнулась: это еще та Томлёнова, верная своему великому истоку, следующая музыкальным руслом великого Первопроходца. Он ее путеводная звезда — Дмитрий Шостакович. В его колее — все ее симфонии и концерты. С вопросительной интонацией произнесла я его имя, когда в уже далеком конце 90-х Алена дала мне послушать свой отрывок по "Одесским рассказам". Вопрос сегодня:

"послушно" ли она следует Корифею. Мой ответ: вряд ли. Здесь вряд ли уместно говорить о "послушании", которое непременно — правдоподобное подражание. Здесь просто случай "однородности" в мироощущении.

В искусстве вообще ничто не возникает на пустом месте. Будет справедливым по возможности четко определить музыкальную "родословную" нашего композитора, одесситки в пятом поколении.

После ее премьеры я пришла домой и поставила видеозапись фильма "Катерина Измайлова". Чтобы в который раз убедиться, уже с нервных тактов увертюры: оно. Отсюда. "Отсюда", если строго сказать, многое у нас произошло. Но именно в Томлёновой сказалась такая особенная "чистота корня", без подражательства, не эпигонская.

"Оркестр из иллюстратора событий становится преобладающим началом: оркестр — это "авторский голос", рассказчик и судья... — писал по поводу оперы "Леди Макбет Мценского уезда" литературовед Лев Аннинский. — По совершенно новой логике соединяются трагедия с сатирой, гротеск с бытовой характерностью и пафос с иронией. Это не музыка возвышенного переживания, это музыка импульса, музыка жеста, музыка нервной одышки и дерзкого вызова".

Вся "Одесская легенда" помещается в этих параметрах...

Удар в барабан и литавры, с долгим тремоллирующим отгулом; аккорды пианино, напоминающие мерный стук настенных часов, — все это знаменует у Томлёновой пролог драматического повествования, в котором драму будет разворачивать именно оркестр. Певческое, танцевальное соло скрипки откровенно тревожно. Акцентирована, даже утрирована, роль ударных и басовых. Лейтмотив партитуры — саспенс; нарастающая доминанта — возмущение, которое достигнет апогея в монологе Бени Крика: "Бакалейщикам хорошо, они гуляют жирные", — и разразится залихватским, отчаянным танцевальным бунтом.

Старый ребе Арье Лейб (Виктор Мельник, тенор) рассказывает нам про то, как красавчик Бенья (Игорь Онищенко, баритон) справил свадьбу сестры. Свадьбу видела Басья (Нина Качур, сопрано) и себе захотела того же, приглядев сына бакалейщика. Но... "там ищут бакалейщика", бедной Басье ничего не светит; и тогда оскорбленный ее отец Фроим (Андрей Малинич, баритон) жалуется Бене, познакомившись с ним у Любки Казак (Ольга Крепс, меццо). "Бог поможет нам, и мы накажем всех бакалейщиков", — падает, словно камушек в воду, монолог Бени. И кругами разбегается — отвязным танцем, который вдруг угасает, оставляя по себе зловещие уголки: "Полиция кончается там, где начинается Бенья".

И повисает затишье перед бурей: "Ошибается даже Бог", — резюмирует Бенья, и это — отправная точка восстания, безоглядного и беспощадного ("молодой человек" в сцене "Облава" — Валерий Задорозный).

Танец — тоскующая удаль, ищущая выхода — сопровождает тему Бени. Басье и Любке достались изумительные вокализы без слов, полные неизбыточной и древней тоски, сопровождаемые скрипичной темой и одиночными ударами колокола, нарастающими до набатной тревоги. И вот — бунт: "Доброго здоровья ичка, ваше высокоблагородие", — чеканит почти по слогам Бенья, и фоном — танцевальная тема, пожар, горит полицейский участок: веселые скрипочки завивают свои пассажи, словно языки пламени выются на ветру...

Резко и внезапно обрывающиеся музыкальные темы "Одесской легенды"; контрастные их стыки; речитативы вокальных партий; бессловесный, душу вынимающий плач Любки и повисшая долгая пауза — в глубоком русле новаторской музыки Шостаковича никому не тесно, было бы что сказать. Либретто по "Одесским рассказам" И. Бабеля составила Ольга Нивельт. Либретто — гибкое, как гибка и партитура Томлёновой, позволяющая варьировать инструментальный состав и вносить новые музыкальные темы, не нарушив целостности вещи.

"Одесская легенда" еще ждет своего режиссера...

"Я в оперу два хора дописала, — сообщила мне Алена в "личку" в августе. — Первый — в первой сцене: гости рассказывают о яствах, а не Фроим и другие; второй — перед сценой погрома: без слов, — нагнетает напряжение".

Легенда — не догма. По свету гуляет в вариациях. И, тем не менее, это — легенда: поэтическая квинтэссенция коллективной души. Души Одессы.

Фото автора.

Леонид АВЕРБУХ

Достаточно ли мы добры?

Мятеж не может кончиться удачей, в противном случае его зовут иначе.

Так в переводе С.Я. Маршака прозвучали строки средневекового английского поэта Д. Харрингтона. Я родился всего через 13 лет после события, которое в течение трёх четвертей века называли Великой Октябрьской социалистической революцией. Сейчас, когда приближается вековая отметка "послеоктябрьского периода", стало ясно, что во всемирную историю это событие войдёт под каким-то иным названием... Кажется, ещё в старших классах советской школы, а затем — в течение бесконечного количества вузовского учебного времени, посвящённого изучению общественных наук, мы затвердили, что с марксистских позиций общественно-экономическая формация — это стадия общественной эволюции, характеризующаяся определённой ступенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических производственных отношений, которые зависят от неё и определяются ею. Далее чёткие, как воинский устав, марксистские формулировки гласили, что не существует формационных ступеней развития производительных сил, которым не соответствовали бы обусловленные ими типы производственных отношений. В основе каждой формации лежит определённый способ производства. И вот эти самые производственные отношения, взятые в их совокупности, образуют сущность определённой формации. Системе данных производственных отношений, образующих экономический базис формации, соответствует политико-юридическая и идеологическая надстройка. В структуру формации органически входят не только экономические, но и все социальные отношения между общностями людей, которые существуют в данном обществе (например, социальными группами, народностями, нациями и т. п.), а также определённые формы быта, рекреационной сферы, образа жизни. Коренной причиной перехода от одной стадии общественной эволюции к другой является несоответствие между возросшими к концу первой производственными силами и сохраняющимся типом производственных отношений.

Можно сколько угодно зубоскалить по поводу ленинского "Учение Маркса всеильно, потому что оно верно", но, по большому счёту, с приведёнными выше положениями трудно не согласиться. Достаточно сказать, что любой из подавляющего большинства граждан любой страны, испытывающий элементарные, даже незначительные проблемы, затруднения в быту, в организации досуга, в удовлетворении каких-либо имущественных и иных потребностей, по сути, косвенно подтверждает их своими ощущениями и оценками, не формулируя подобным образом, а иногда и не догадываясь об их существовании.

Марксистское обществоведение приучило нас уверенно различать общественно-политические формации: первобытнообщинный, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, социализм, коммунизм, потом уже появились индустриальное, постиндустриальное общества, а затем стало рассматриваться и информационное общество — общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно — высшей ее формы: фундаментальных и прикладных знаний.

То, что в настоящее время именуется шведской моделью социализма, мало соответствует канувшей в небытие советской модели, а что до коммунизма, то представление о возможности его построения отброшено на позиции, формулируемые многими современными учёными как утопия. Я бы добавил: утопия, опасная своей привлекательностью.

А реальность? Какие варианты всё же представляются возможными?

Мне показалось раньше и продолжает казаться сегодня, что покойный А.Д. Сахаров, предложивший в качестве пути развития постсоветского общества т. н. конвергенцию, вовсе не первым придумал этот путь, но как физик — исходил из своих профессиональных представлений.

Попытавшись в меру своих скромных дилетантских возможностей (это — не кокет-

ство, сфера-то не моя!) погрузиться в поиск доказательства верности этого своего предположения, мне удалось выяснить следующее. (Если устанете — читайте через абзац, но финальные строки, пожалуйста, непременно. Там мои собственные умозаключения!)

Конвергенция — (convergere — сближаться, сходиться, лат.) термин, используемый в экономике для обозначения сближения различных экономических систем, экономической и социальной политики различных стран. Термин этот получил признание в экономической науке в связи с разработкой и широким распространением в 1960 — 1970 гг. теории конвергенции. В ней взаимодействие и взаимовлияние двух экономических систем — капитализма и социализма — в ходе научно-технической революции рассматривались как главный фактор движения этих систем к некоей "гибридной" (слово в наши дни звучит как ругательство...) "смешанной" системе. Согласно гипотезе конвергенции, "единое индустриальное общество" не будет ни капиталистическим, ни социалистическим. Оно призвано соединить преимущества обеих систем и при этом не должно и не будет иметь их недостатков.

По другой формулировке конвергенция означает увеличение сходства между различными обществами, находящимися на одной стадии истории, устранение внешнего, внеэкономического неравенства, логика сглаживания социальных конфликтов, либерально-демократических преобразований.

Идею сближения двух систем впервые выдвинул П.А. Сорокин в книге "Россия и Соединенные Штаты", написанной в 1944 году. Авторами же самой теории считаются Джон Гэлбрейт, Уолт Ростоу, Франсуа Перу, Ян Тинберген и другие. Согласно теории конвергенции, обе экономические системы — социализм (даже с "человеческим лицом") и современный капитализм — не являются совершенными с точки зрения передовой культуры и гуманистических идеалов, дальнейшего противостояние систем чревато острым классовым конфликтом на международной арене, который может привести к гибели цивилизации.

Учитывая эти опасности, сохранить мировую цивилизацию можно путём сближения систем, создавая новые формы социально-экономической и культурной жизни, в которых бы в концентрированном виде могло найти свое выражение то лучшее, что имеется в обеих системах.

"Конвергенциями" называются также несколько политических партий в разных странах (Испании, Мексике, Гватемале). В других она является основой идеологии некоторых партий (Италия).

Важным, если не важнейшим мотивом авторов теории конвергенции было стремление преодолеть раскол мира и предотвратить угрозу термоядерного конфликта. Это, конечно, послужило ещё одним поводом и основанием для разработки А.Д. Сахаровым, "отцом" водородной бомбы, одного из вариантов теории конвергенции. Уже в конце 60-х гг. Андрей Дмитриевич уверенно считал сближение капитализма и социализма, сопровождающееся демократизацией, демилитаризацией, социальным и научно-техническим прогрессом, единственной, а главное — реальной альтернативой гибели человечества, хотя, не претендуя на истину в последней инстанции, я думаю, что это было скорее проявлением наивной, просто отроческой веры, чем научного знания. Проще говоря, речь шла о том, чтобы взять всё лучшее от социализма (где такое всё же было) и всё лучшее от капитализма (а там и плохого немало) и смешать. То, что получится в результате, и будет лучшим вариантом.

Да, действительно, эволюционная трансформация капитализма в развитых странах в направлении к постиндустриальному обществу, современной смешанной экономике происходила, в частности, и под влиянием как позитивного, так и в ещё большей мере негативного опыта стран, которые относили себя к социалистическим (СССР, страны Восточной Европы). Однако невозможность успешного развития этих стран в рамках существовавшей в них огосударственной экономической системы, глубокий кризис, а затем и крах этой системы

привели к тому, что уже в 1980-х гг. теория конвергенции в описанном виде утратила былую популярность и стала предметом истории экономической мысли.

Хотя мне лично сдавалось (да разве только мне!), что реально существующая шведская модель может служить подтверждением её перспективности. Напомнив, что, не являясь ни физиком, ни политологом, я почему-то искал ответ на вопрос о том, что могло послужить именно физике-теоретике А.Д. Сахарову основанием для оптимистических ожиданий, сообщу, что для себя этот ответ я, в конце концов, как мне кажется, нашёл. А т. к. философы у нас все, то в начале своего поиска философское объяснение этой позиции выдающегося физика и демократа я обнаружил в описании т. н. принципа дополнительности.

Принцип дополнительности — один из основных принципов, заложенных в закономерностях природы. Источники указывают, что его прямое или косвенное описание можно обнаружить на самых ранних стадиях зарождения религии, философии, психологии. Принцип дополнительности, как не вполне стройно поясняют источники, "является важнейшим инструментом в раскрытии, обнаружении присутствия, существования объекта, явления, взаимодействия, методом его разделения, смещения, задержки на начало и его дополнение".

Принцип дополнительности помогает осознать всю полноту явления. Это как свет и тьма, как единство и борьба противоположностей, и где здесь начало, а где дополнение — это чисто философский вопрос. Скорее, это два начала как единое целое, которое сложно понять, а порой и обнаружить без рассмотрения их по отдельности. Принцип дополнительности неотделим от таких понятий как дуализм, симметрия, замещение, соответствие законов сохранения энергии, вещества и импульса. Он не противоречит ни одному из законов физики, если его применять не в отрыве от них и не искать дополнительную, не понимая структуры изучаемого объекта, так как эта дополнительность может уже существовать внутри самого объекта. В этом случае "дополнительная дополнительность" вызовет тупиковую ситуацию и неразрешимую проблему, что немедленно повлечёт за собой ввод других дополнительных и приведёт к полному абсурду.

Принцип дополнительности тем и хорош, что он указывает на то, что в природе всё уравновешено, что не надо ничего вводить, а надо искать то, что уже есть и как это всё взаимодействует. Принцип дополнительности не заменяет ничего, он помогает определить полноту объекта изучения, и он не единственный в понимании мира, а только в совокупности с другими принципами и законами природы даёт возможность установить всю полноту, красоту, гармонию существования объекта. Только не думайте, пожалуйста, что я такой умный. Всё приведённое здесь и ниже — практически терпеливо подобранные выдержки, цитаты. Их было бы ещё больше, если бы не настойчивое требование моей покойной жены, которая всегда была моим "главредом".

"Но при чём же тут физика?" — спросите вы. Мне кажется, что удовлетворительный ответ я нашёл и на этот вопрос.

Дело в том, что принцип дополнительности в физике — один из важнейших принципов квантовой механики — был сформулирован ещё в 1927 году Нильсом Бором. Дальше — снова цитирую, для терпеливых: "Согласно этому принципу, для полного описания квантовомеханических явлений необходимо применять два взаимоисключающих ("дополнительных") набора классических понятий, совокупность которых даёт исчерпывающую информацию об этих явлениях как о целостных".

Дело дошло до того, что на базе этого принципа пытались создать теорию дополнительности, которая могла бы наряду с теорией относительности и четырьмя основными видами взаимодействий лечь в основу т. н. "теории всего" (англ. Theory of everything — TOE) — гипотетической объединённой физико-математической теории, описывающей все известные фундаментальные взаимодействия. Первоначально данный термин использовался в ироническом ключе для обозначения раз-

нообразных обобщённых теорий. Со временем термин закрепился в популяризациях квантовой физики для обозначения теории, которая бы объединила все четыре фундаментальные взаимодействия в природе (гравитационное, электромагнитное, сильное, слабое). В научной литературе вместо термина "теория всего" используется термин "единая теория поля", тем не менее, следует иметь в виду, что "теория всего" может быть построена и без использования полей, несмотря на то, что научный статус таких теорий вполне может быть признан спорным.

А теперь, чтобы окончательно запутать и насмешить читателя...

Когда я спросил у моего доброго приятеля — доктора наук, профессора-физика А.Н. Гергея, что собой представляют корпускулярно-волновые явления, (по-научному — тот самый "квантово-волновой дуализм") с точки зрения элементарного материализма, он практически сразу ответил:

— Не корпускулярные и не волновые... Да и дать неформальное определение элементарной частицы, по-видимому, сегодня невозможно, поскольку речь идет о первичных элементах материи. На качественном уровне можно говорить, что истинно элементарными частицами называются физические объекты, которые не имеют составных частей. Т. е. то же самое, что раньше приписывалось атому, до тех пор, пока не выяснилось, что он очень даже делим...

Если обо всём этом короче — я понимаю эти непростые научные положения достаточно примитивно: коль скоро два процесса, направленные на достижение единой цели, или две теории сами по себе представляются верными, но противоречат друг другу или даже являются взаимоисключающими, необходимо установить, что их сближает, и использовать эти моменты в комплексе. Именно Нильс Бор уверенно считал, что принцип дополнительности является неизбежным описанием результатов человеческой деятельности в любой области науки.

Каковы же, коротко, результаты моей попытки разобраться в этом клубке теоретических проблем? Если читателю кажется, что попытка удалась, то он неправ! Так, в частности, если вторая часть коммунистического принципа "...каждому по потребностям" при конвергенции не работает, то это не означает, что потребности людей и их "аппетиты" куда-то подавляются. Различия в степени удовлетворения потребностей сохраняют противоречия между членами общества и их группами, т. е. — сохранится классовая структура социума. Как эти противоречия будут разрешаться? Возможно ли в принципе реализация такого проекта? Каким должен быть механизм, алгоритм её реализации? Возможно ли построение конвергентного (конвергированного?) общества в одной отдельно взятой стране?

Что же пока получилось из идеи Сахарова, как мне думается, руководствовавшего физическим принципом великого Бора?

А произошло всё снова с точностью "до наоборот" на бывшей "территории победившего социализма". Взяти из обеих общественно-политических систем всё самое худшее и снова — "Маємо те, що маємо", или — другой культовый "перл": "Хотели, как лучше, а получилось, как всегда".

И ещё несколько слов в заключение моих "самодельных" рассуждений о режимах. Ставить под вопрос мнение о целесообразности демократических преобразований (а идея конвергенции демократична по определению) представляется непolitкорректным и нелепым. Все знают высказывание, опять же, якобы принадлежащее Черчиллю (хотя никто не уверен, что это сказал именно он...), о том, что демократия — изрядная пакость, однако ничего лучшего человечество не придумало. Беда (да-да, беда!) в том, что демократия предоставляет людям целый ряд прав и свобод. В конце концов, дело же не в том, как называется общественное устройство, а в том, какое оно. Так вот, опять же не помню, кому принадлежат такие слова: "Раньше, чем делать людей свободными, нужно сделать их добрыми, иначе они сожрут друг друга". Вы уверены, читатель, что мы уже достаточно добры, чтобы быть свободными?

Итальянская Одесса: меморандум консула Карло Бардуцци

ПУБЛИКАЦИЯ И ПЕРЕВОД С ИТАЛЬЯНСКОГО МИХАИЛА ТАЛАЛАЯ

Римский архив Министерства иностранных дел Италии (его официальное название: *Archivio storico-diplomatico del Ministero degli Affari Esteri*) сохранил множество документов разного плана, которые являются основой для реконструкции новейшей истории и в том числе — международных отношений, включавших сложный диалог советского и итальянского государств в 1920 — 1930-е гг. Среди бумаг мидовского архива особый интерес представляют донесения итальянских дипломатов (персон, естественно, весьма информированных) своему начальству в Вечный Город. Для читателей Одессы несомненный интерес представляют тексты генерального консула Итальянского Королевства Карло Бардуцци, работавшего в Одессе в середине 1930-х гг. и самым внимательным образом изучившего, кроме прочего, итальянскую ипостась черноморского города. Об этом свидетельствуют переведенный нами на русский язык его меморандум от 1937 г. Историки города и краеведы найдут в нем не только пересказ известных им сведений, но и редкий анализ итальянского «наследия» той поры. Столь повышенный интерес к «итальянской

Одессе» имел также военно-политические истоки — его автор, говоря о «коллапсе», явно имеет в виду разгром СССР в грядущей войне и подводит идейную базу под будущее итальянское господство именно в этом ареале (отвода нацистской Германии другие части Советской державы).

Об авторе меморандума Карло Бардуцци (Carlo Barduzzi) удалось выяснить следующее. Он родился в ломбардском городке Вайлате, близ Кремоны, в 1888 г. Получив образование в Миланском политехническом университете и обосновавшись в 1920 г. как инженер-механик в бывшем австрийском регионе Трентино, К. Бардуцци, однако, вскоре ушел в политику и, вступив в фашистскую партию, был избран в Национальный парламент. В качестве секретаря районного комитета фашистской партии проводил в Трентино и Южном Тироле жесткую политику итальянизации; в 1928 г. поступил в МИД, сменив несколько мест назначений — работал как генеральный консул в Марселе, в Тунисе и в Одессе — с 1929 г. В 1936 г. вернулся из Одессы в Рим, возглавив там литературный отдел организации «Centro Studi Anticomunisti» [Центр антикоммунистических исследований], которая, официально счита-

ясь независимой, содержалась на средства МВД. Нарботанный им материал он опубликовал в «Библиографии по еврейской и иудейской литературе на итальянском языке» (*Bibliografia ebraica e giudaica in lingua italiana*; 1939). Во время Второй мировой войны в чине генерала попал (в 1943 г.) в плен к англичанам и томился у них в лагере в Индии (в Бомбее). После войны занимался литературным творчеством — в 1952 г. вышел сборник его стихов «*Carmina Vitae*» (лат.: «Песни жизни»); в 1962 г. — «*Testimonianze storiche sull'Alto Adige*» [«Исторические свидетельства о Южном Тироле»]. В архивах ряда учреждений образования и культуры сохранились его письма 1950-х гг. с предупреждениями о коммунистической угрозе.

Оригинал документа был опубликован в книге исследовательницы Аньезе Аккатоли (Agnese Accatoli) «*Revoluzionari, intellettuali, spie: i russi nei documenti del Ministero degli Esteri Italiano*» [«Революционеры, интеллектуалы, шпионы: русские в документах итальянского Министерства иностранных дел»] (Salerno, 2013). При переводе на русский мы снабдили его комментариями.

Михаил Талалай.

23 января 1937 / XV¹

Его Превосходительству
Министру иностранных дел
Графу Галеаццо Чиано ди Кортеллаццо²

Господин министр!

Имею честь предоставить Высокому вниманию Вашего Превосходительства следующие исторические сведения касательно города Одесса и итальянского сообщества этого города, на составление которых у меня не хватило времени в течение последних недель пребывания в должности там³.

Название города Одесса происходит от античной греческой колонии Одиссос, и итальянцы фигурируют в городских хрониках среди первых его жителей, когда украинцы (местный элемент, занятый преимущественно сельским хозяйством) притекали сюда весьма неохотно, опасаясь набегов турок: Одесса возникла поблизости от турецкой крепости Хаджибей, захваченной 14 сентября 1789 г. адмиралом Джузеппе Де-Рибасом, родившимся в Неаполе 6 июня 1749 г.⁴ от Микеле Де-Рибаса⁵, испанца по происхождению, «офицера-майора секретариата государства и войны» при Фердинанде IV, короле Обеих Сицилий⁶. Джузеппе Де-Рибас, в 17-летнем возрасте став подпоручиком Самнитского пехотного полка, находился в таковом звании до 1769 г.⁷, когда был приглашен графом <Алексеем> Орловым поступить добровольцем на русский флот во время первой войны против турок⁸. Он сразу же выказал себя, предоставив адмиралу <Григорию> Потемкину⁹ проект подъема потопленных кораблей. В 1787 г. он стал генералом при штабе того же адмирала, а в 1789 г., командуя авангардом генерала <Ивана> Гудовича, захватил на южном берегу Украины кроме Хаджибея также

Тулчу и Исаку, в то время как Суворов покорил Измаил после штурма, согласно плану, разработанному Де-Рибасом: Суворов, став его почитателем, не раз повторял, что только Де-Рибас смог бы добыть Константинополь для России.

Когда весь берег был взят русскими, было решено устроить в Хаджибее поселение для семейств военных моряков (рескрипт Екатерины II от 27 января 1792 г.), частично заселив его греками: в 1804 — 1806 гг. их побуждали иммигрировать из Генуи, Неаполя и Ливорно, обещая дома, земли и средства, так как местные жители не владели морским делом. Наконец, Де-Рибас предложил основать тут же морской и торговый порт, что сулило большие удобства — эта местность, предназначенная для нового города, свободна от льда большую часть года и имела здоровый характер, будучи возвышена на примерно 30 метров над уровнем моря. Ему немало пришлось побороться за свой проект, но в итоге он был принят, и Екатерина II в императорском рескрипте от 27 мая 1794 г. наименовала Де-Рибаса «полномочным основателем Одессы»¹⁰.

То обстоятельство, что во главе города и строящегося порта встал неаполитанец, привлекло в Одессу многих итальянцев: когда Де-Рибас покинул Одессу ради Петрограда [sic], здесь их жило уже более восьмью тысяч человек (на 1797 год). Его преемники по руководству городом, герцог Ришелье и генерал Ланжерон, оба французцы, отдавали предпочтение соотечественникам, которые открыли тут школы и индустрии. Тем не менее, большая часть торговли и навигации осталась в руках итальянцев. После французов пришел князь <Михаил> Воронцов, просвещенный и либеральный ум, придавший городу большой импульс. Началась золотая эпоха для итальянских художников, архитекторов, скульпторов, декораторов, которые придали этому городу — начиная с 1804 г. — типично наш облик. Здесь обосновался вместе с мастерами, устраивавшими порт, архитектор Франческо Фрапполи, за которым вслед прибыли Боффо, Кваренги, Торричелли, Росси, Даль Аква, Моранди. Парусники, на которых вывозили зерно, доставляли сюда рабочих, мрамор, кирпич, пуццолан и многое другое. Таким образом, почти все появившиеся тогда одесские дома — это результат трудов итальянских зодчих, бригадиров, рабочих. Фрапполи спроектировал Городской театр, который возвел подрядчик Поджио (в 1804 — 1809 гг.) и затем перестроил в 1822 г. Боффо — согласно классическому римскому стилю, на 800 зрителей; он стал одним из самых красивых и комфортабельных во всей России, пока, к несчастью, не сгорел в 1872 г. Также в классическом стиле в те же годы (1804 — 1809) возник кафедральный собор, облицованный ценными мраморами, с прекрасными витражами, с огромной и благородной гробницей князя Воронцова и с 82-метровой колокольной. Как я уже сообщал в предыдущих докладах Вашему Превосходительству, этот ценный памятник итальянского искусства был диким образом разо-

бран в этом году за несколько недель — по воле политического секретаря Украины Поштышева, заявившего во время визита в Одессу, что тут слишком много храмов! Фрапполи также осуществил проект грандиозного хлебного Сабанского амбара, переделанного потом в казарму — в ренессансном стиле, с колоннами, карнизами и цоколями утонченного и гармоничного вкуса.

Архитектор Боффо возвел лютеранскую церковь (1824) и прелестный дворец князя Воронцова (1826), выходящий к морю, — одно лучших зданий в Одессе, тоже в ренессансном стиле (как почти все постройки итальянских зодчих), с ионической колоннадой, которая для прибывающих с моря представляет некое подобие античного греческого или римского храма. В интерьерах — изящные фрески (Рампини), ценный паркет из древесины редких пород (Баннини), мраморный декор и лепнина — тоже работы итальянских мастеров. Тот же Боффо поставил т. н. Государев дворец [Reggia], резиденцию губернаторов. Торричелли принадлежит следующие постройки: старая биржа (1829 — 1834) по планам Кваренги, в чистом ренессансном стиле, ныне отведенная для парторганизаций; Введенская церковь [Chiesa della Purificazione (т. е. Очищения Девы Марии)] (1842 — 1847) в византийском стиле, тоже разрушенная в прошлые месяцы; Сабанев мост (1834); реконструкция католической церкви (1858) в классическом стиле (кстати, тут хранилась картина флорентийского художника Карло Дольче), ныне общепит для рабочих, тоже в будущем обреченное на разрушение; так называемый Пале-Рояль (1842), грандиозный особняк с квадратным двором и садом, с центральным фонтаном, с милыми ионическими пилястрами и арками — теперь это запущенный Дом рабочих. Моранди спроектировал огромную синагогу во флорентийском стиле, еще один Воронцовский особняк и особняк барона Маса, выходящие на площадь, некогда наименованную в честь Екатерины II, а теперь — Карла Маркса.

Наборный деревянный паркет в особняке Маса, работы Баннини, своей красотой может сравниться с лучшими флорентийскими палатцами; в настоящее время тут размещалось Дипломатическое агентство, прежде бывшее на роскошной вилле еще одного итальянского гражданина, Анджело Анатра. Здание школы коммерции, изобразительных искусств, музыки (теперь консерватория) относится к первому регулярному плану города (1849).

Архитектор Росси построил бывший институт благородных девиц; он же вместе с Торричелли спроектировал прекрасную лестницу в двести ступеней, которая спускается в порт от так называемого бульвара Ришелье (сейчас имени Фельдмана) к порту и которая на момент строительства (1837) обошлась в 800 тыс. рублей. (Бульварную лестницу проектировал архитектор Франц Боффо, — ред.) Лестница печальным образом дважды вошла в историю большевистской революции: в 1905 г. на ней произошли стычки между рабочими и моряками с одной стороны и царской полицией — с другой, а в 1919 г. «красные» устроили тут бойню целой толпы аристократов и буржуа, бежавших в порт на последние иностранные пароходы, покидавшие Одессу после ухода союзнического флота.

Зодчий Де Векки — автор здания, в прошлом известного как четвертая гимназия, с прелестным декором Рампини и с подвесной лестницей Форни. Итальянцы также построили особняк второго губернатора, герцога Ришелье, стоящий перед нынешним театром, законченный к 1830 г. в чистом классическом стиле Возрождения, с коринфской колоннадой и элегантным аттиком; т. н. Выставочный дворец, с красивым коринфским портиком, теперь Археологический дворец (музей, — ред.); Петропавловский храм; Городскую библиотеку с просторными залами; Городской музей естествознания, прежде — Английский клуб.

Архитектор Бернардацци возвел новую биржу, грандиозное строение, похожее на Ор-Сан-Микеле во Флоренции¹¹, — Молинари и Менциони облицовали его мраморами; Натали — лепниной. Тот же Бернардацци построил гостиницу «Бристоль» (сейчас — «Интурист»), бывшее здание Кредитного банка на Пушкинской улице, с великолепными окнами в ренессансном стиле; бывшее здание Технического общества; бывший Инав-лидний дом; бывшую Евангелическую больницу и много других меньших строений. Можно без преувеличения сказать: если речь идет о сооружении с архитектурными достоинствами, то тут не обошлось без итальянцев. Об этом говорит и общий вид города с его широкими и прямыми улицами, обрамленными многоэтажными зданиями итальянского характера, в то время как вся периферия застроена типичными русскими одноэтажными домами.

И здание нашего консульства — хорошей итальянской архитектуры, что можно видеть на прилагаемой фотографии. Когда-то оно принадлежало графу Порро, владельцу фирмы по экспорту хлеба в Италию¹². На витраже над входом до сих пор видны его родовые инициалы, а на мозаичном настиле у двери осталась латинская надпись «salve» [«здравствуй»]. Ценная лепнина в залах — тоже итальянской работы (Приморский бульвар, 5, — ред.).

Другая важная сфера, где выдвинулись итальянцы, — это опера. Городской <оперный> театр сдал в 1809 г. его строителю Поджио театральному инспектору Марко Акурти¹³. Из-за космополитичности населения тут изначально были польские, французские, русские труппы — преемники маршала Де-Рибаса, герцога Ришелье и генерал Ланжерон, предпочитали французам. Однако при князе Воронцове, просвещенном покровителе искусств, симпатизировавшем итальянцам, в 1811 г. был удовлетворен запрос итальянца Мантовани на прибытие итальянской труппы, которая вызвала великий энтузиазм. Увы, в том же году вспыхнула эпидемия холеры (с ней боролся также и итальянский врач Капелли) и несколько артистов погибли.

Следующим импресарио стал итальянец Фиорини, настолько успешный, что сам император Александр I, посетивший театр в 1818 г., похвалил и наградил Фиорини. Затем тут работал импресарио Дзамбони, после него — Бонаволья: каждый год в театре выступала итальянская труппа. В 1822 г. театр, полностью перестроенный архитектором Боффо, был вновь открыт 8 апреля «Тайной свадьбой», за которой последовали «Цирюльник» и другие оперы Россини на итальянском. Любимцами публики стали госпожи Маркони, Бартоллучи, Риккарди, Арриги, Каталани и господа Бартоллучи, Мунари, Квадри, Морелли. Было написано столько гимнов и акростихов в честь наших актрис, что среди новоявленных поэтов был учрежден особый комитет ради премий лучшим стихам. В 1844 — 1850 гг. тут выступали исключительно

¹¹. Памятник раннего Возрождения, церковь Св. Михаила-в-саду, приспособленная флорентийскими гильдиями под общий храм ремесленников из бывшего хлебного амбара.

¹². Генуэзский купец Джакомо Порро учредил ряд контор на юге России, в т. ч. — в Одессе, для набора местных товаров (в том числе и пшеницы), которые приобретал за весьма низкую цену в отдаленных краях страны. — Сообщено С. Решетовым.

¹³. Марк (Марко) Акурти (его называли в русской огласке также Акурша) являлся первым, с 1809 г., управляющим Городским театром, т. е. был администратором от г. Одесса и его казны. В 1810 — 1814 гг. курировал работу первой в Одессе итальянской оперной труппы Замбони и Монтовани; также ведал театральным реквизитом, освещением, внутренним убранством, остеклениями, занимался вопросами, связанными с абонированием лож, продажей билетов, домом, арендуемым итальянскими гастролерами. — Сообщено О. Губарем.

¹. При Муссолини было введено двойное летоисчисление, при этом римскими цифрами обозначался год «фашистской эры», отсчитывавшийся от 1922 г., когда приход Муссолини к власти, точнее — от 28 октября 1922 г., дня фашистского «марша на Рим». В южной Италии «фашистская эра» продолжалась до октября 1943 г., в то время как в северной Италии, на территории т. н. Итальянской Социальной республики, сателлита Третьего Рейха — до апреля 1945 г.

². Джан-Галеаццо Чиано (Чано), граф Кортеллаццо и Буккари (1903 — 1944), политик и дипломат, зять Бенито Муссолини (муж его дочери Эдды), расстрелян как заговорщик по настоянию Гитлера.

³. В конце 1936 г. К. Бардуцци был отозван из Одессы в Рим.

⁴. Относительно даты рождения Осипа Михайловича Дерибаса существует серьезное расхождение мнений, и если в прошлом указывался 1749 г., то в настоящее время большинство исследователей склоняются к дате 13 (24) сентября 1751 г., согласно семейным документам.

⁵. Настоящее имя — Мигель де Рибас-и-Буйенс.

⁶. Фердинанд IV (1751 — 1825) в те годы имел титул короля Неаполитанского; титул короля Обеих Сицилий он получил только в 1815 году, при этом изменилось числительное, и он стал Фердинандом Первым.

⁷. В итальянской публикации документа стоит ошибочно 1749 г.

⁸. Имеется в виду Русско-турецкая война 1768 — 1774 гг.

⁹. Г.А. Потемкин в то время был в генеральском чине.

¹⁰. Согласно указу царицы, «назначался главным устройте-лем порта и города».

Итальянская улица.

Italienische Strasse.

Гравюра из коллекции Анатолия Дроздовского.

итальянцы. В последующие годы театром руководили итальянцы, русские, поляки, но первые всегда преобладали. Изначально оркестр состоял из одних итальянских музыкантов. В 1845 г. им дирижировал маэстро Луиджи Риччи, автор (вместе с братом <Федерико>) оперы "Криспин и его крестная мать" ["Crespino e la Comare"]; на сцене театра шла и его "Одинокая из Астурии" ["La solitaria delle Asturie"] на либретто Феличе Романи. Руководить театром был приглашен даже великий Доницетти, однако тот в последний момент предпочел остаться на родине и отправил вместо себя Джервази. Среди музыкальных руководителей театра были итальянцы Мардзорати, Антониетти, Санти, Бертини, а после его восстановления — Бонни-чоли, Труффи, Пагани, Помэ, Эспозито, Брамбилла, Бенарди.

В первые годы существования Одессы тут действовало даже "итальянское казино". В одном его курьезном документе от 1814 г. присутствуют стихотворные импровизации на итальянском, не без французского аромата, и иногда — на французском, не без итальянизмов. Очевидно, что тогда все старались говорить на итальянском, и наш язык был всем знаком — торговля, строительство, театр не могли не влиять на местное население: итальянский вначале был почти единственным общим языком. Счета, деловые контракты, торговая переписка, бухгалтерия, денежные расписки — всё писалось на итальянском, даже вывески магазинов и указатели на уличных углах.

При Ришелье и Ланжероне в лучших слоях общества стал распространяться французский, а затем — после головокругительного роста населения — наш язык и наши дела стали сдавать свои позиции. Евреи, приезжавшие в основном из Польши, предпочитали немецкий, который близок к их языку (он от него и происходит). Тем не менее, итальянский всё еще преподавали в школах, и в 1859 г. некий Марко Вальтху даже решил на сочинение и издание на итальянском трагедии в пяти актах "Il Sansone" ["Самсон"]. И в последующие годы в Одессе выступали такие знаменитые актрисы как Дузе, Тина ди Лоренцо, Ристори, Пессана, Гвальтери и такие актеры как Росси, Сальвини, Новелли, Титта Руффо, Баттистини, а из Италии прибыли преподаватели итальянского — профессор Дель Рубба и Джорджи, жившие тут многие годы.

Перед войной итальянская община насчитывала шестьсот членов, среди которых выделялись Анджело Анатра, президент Торговой палаты; архитектор Франческо Бернардацци¹⁴; адвокаты Марко и Серджо Де Антонини; профессор художественного училища

Луиджи Фиорини (Иорини, — ред.); инженер Кортацци; художники К. Боссоли, А. Цукколи, К. Бони, скульптор Марко Молинари.

В первые годы Одессы итальянцы верховодили в торговле: в сохранившихся документах той поры в период 1794 — 1804 гг. присутствуют имена Амброзио, Дольчи, Россини, Премуда, Вандара, Линари, Вентури, Кавари, а в поздравительном адресе на имя директора таможни М. Кирьякова среди прочих подписей есть подписи С. Гульельмуччи, консула Королевства Обеих Сицилий, Карло Сервио, Сильвестро дель Сассо, Винченцо и Луиджи Лоровичи, Джакомо Тассара, М. Джустиниани, Пьетро Редучча, Марко Каронио, а в 1796 г. синдиком коммерсантов был майор в отставке Поджио. Войны в Италии и Франции опустошили европейские амбары, к чему прибавился запрет на экспорт из Венгрии — в итоге южные страны были вынуждены обратить свои взоры на Черное море и на итальянские фирмы, учредившиеся в Одессе, их было с десятков, а также богатых судовладельцев, чаще всего генуэзских, в т. ч. Гатторно, Андрича, Франки, Беллари.

Из публикаций той поры явствует, что в 1836 г. здесь имели крупные дела фирмы Кортацци, Понцио, Порро, Ланца, с оборотом в более чем два миллиона рублей; Вивиани, Гатторно, Казаретто, Тработти — более миллиона; Руббо, Авермо, Моччо — более полумиллиона (упомянуты и обширные амбары графа Порро). В последующие годы мы встречаем имена таких коммерсантов как Луиджи Кьярелла, Карло Рокка, братья Казаретто, Луиджи Росси, Джироламо Ассеретто, братья Дель Орсо, Доменико Тубино, Никколо Симони, Луиджи Де Азарте, Луиджи Солари.

После взрыва большевистской революции наша община понесла значительный ущерб: ее большая часть эмигрировала в Италию или другие страны, бросив собственность, которой завладело советское государство. Среди особо пострадавших семейств: братья Анатра, владельцы состояния во многие миллионы рублей — промышленники и торговцы, полностью разоренные (одного из братьев большевики расстреляли); затем фирмы по поставке мраморов — Вернетта (основана в 1836 г.), Тузини (1858), Молинари (1868), Менционе (1872), Натали (1878); по поставке цитрусовых — Котронео (1856), Тоскано (1863); фабриканты пищевых продуктов Сонданс (1848) и Пиччинелли, фабриканты галет Дельпини, газированной воды — Боски, пиротехнических продуктов — Спаньюли; купцы Петтинато, Франкони, Бонифацци, Беттинони, Романо, Джаннаттазио, Таддеи, Костантини.

Таким образом, с большевистской революцией было разрушено достояние в десятки миллионов рублей; община, насчитывавшая 600 членов, сократилась ныне до 160-ти, живущих в отчаянном положении, так как никто из итальянских граждан не смог уберечь свою собственность. Хорошо еще, что в Италии зачастую встречаются заинтересованные лица или родственники, которые в курсе дел. До войны Одесса имела наиболее многочисленную и процветавшую иностранную общину, благодаря своим активным связям с Италией; процветала и община в Керчи, состоявшая почти исключительно из апулийцев, прекрасных фермеров. Лишь единицам из них путем крайних жертв удалось сохранить свое скромное достояние, обложенное, однако, такими налогами, что почти ничего теперь не стоит, тем более что единственным закупщиком является советское государство. И на Кавказе, и в Крыму наши общины разрушены и их собственность погибла. В общей сложности, согласно данным переписи, которые я передал 21 апреля прошлого года в связи с национальной переписью, итальянские жители округа Генерального консульства в Одессе имеют сейчас численность всего лишь 646 человек, по сравнению с тремя тысячами довоенной численности. Ущерб, доставленный национальным интересам в результате большевистской революции, огромен.

Я позволил себе представить Вашему Превосходительству немного истории итальянской общины в Одессе ради подтверждения уже сказанного в моем рапорте от 12 сентября прошлого года: ни одна великая европейская нация не обладает на советском побережье Черного моря стольким историческим наследием и столькими интересами, как Италия. Следовательно, в случае коллапса Италия должна получить от Советского Союза значительную компенсацию — большую, чем какая-нибудь другая нация. Да, Германия имела до войны значительные интересы в Петрограде, Москве, на среднем Поволжье, в Сибири, но менее, чем Италия на Черном море, община которой была главенствующей среди иностранных (потом уже шли греки).

По моему подчиненному мнению, представляется нужным уточнить список заявлений, сделанных итальянскому государству от лица наших подданных, некогда пребывавших в России и пострадавших от большевистской революции, среди кото-

рых большинство постоянно жило на черноморском побережье.

В связи с этим мне покорно представляется нужным также учредить при Королевском Министерстве <иностранных дел> Русское бюро [Ufficio Russia], подобно тому, что уже несколько лет существует при германском Министерстве иностранных дел, которое имеет задачу по сбору и координированию всего материала, относящегося к России: оно могло бы отразить итальянские интересы и исторические данные как до, так и после большевистской революции. Речь идет о колоссальном материале, так как в этой стране из-за тоталитарного переворота нормального хода дел возникли новые проблемы самого разного толка — политические, экономические, религиозные, военные, технические, печати: их координированное сведение воедино создаст правдивое понятие о ситуации.

В последние два года пропагандистская продукция в советской России достигла немалых размеров, о чем свидетельствуют более двухсот настенных плакатов, которые я переслал Вашему Превосходительству, а также другие публикации на разных языках, которые могут заинтересовать Министерство пропаганды.

Большевистская Россия с ее агрессивной политикой неожиданно приобрела такое значение, что мне кажутся необходимыми ее контроль и классификация, пусть и превентивные, так как все очертания неясны¹⁵.

Пересылаю к Высокому вниманию Вашего Превосходительства недавнюю публикацию о классической архитектуре в Одессе, из которой явствует, сколь высоко тут итальянское влияние.

Примите, господин министр, мои уверения в полнейшем почтении.

Королевский генеральный консул
<подпись: Карло Бардуцци>.

15. Предложение К. Бардуцци об учреждении особого антикоммунистического бюро "Ufficio Russia" соотносилось с его следующим после Одессы назначением: летом 1937 г. бывший консул возглавил литературный отдел Centro Studi Anticomunisti [Центра антикоммунистических исследований], финансировавшийся МВД. Из Берлина ему удалось раздобыть список запрещенной литературы, который он применил для итальянской ситуации, добавляя к нему авторов еврейского происхождения. Однако излишняя ретивость тогда не пришлась по вкусу в верхах, и в 1938 г. он был уволен из Centro Studi Anticomunisti.

От редакции.

В тексте Карло Бардуцци допущено множество неточностей в написании фамилий, дат и атрибуции авторства. Можно было бы всё это выправлять. Но тогда бы это получился не текст консула, а наше современное его прочтение. Это документ политический, а не краеведческий. Этим он и интересен.

14. Архитектора Бернардацци звали Александром (Осиповичем). — Сообщено С. Решетовым.

Юрий МАКАРОВ

Проснись и пой, или Художественная самодеятельность

По рассказам очевидцев, в первые годы новая эмиграция отъедалась. Обреченные называться русскими, вырвавшиеся из Союза евреи гуляли с русским же неистовством. Ночи с пятницы на субботу и с субботы на воскресенье было положено проводить исключительно в русских кабаках с обязательной подачей бесплатной яичницы в пять часов утра. Рестораны было принято "закрывать", то есть уходить последними. Пили и ели беззастенчиво, по-купечески. Необходимых для такого угара медведей и цыган назначили из своих. Диких животных я, правда, не застал, но одна милая еврейская пара и сегодня успешно приторговывает цыганской удалой на местных вечеринках.

Те реки водки и горы жирной жратвы не прошли даром, и через несколько лет практически вся новая эмигрантская волна подверглась массовому удалению желчного пузыря, что само по себе слегка успокаивает. Отдав здоровье Хлебу, эмигрантская публика с тем же буйным энтузиазмом возжелала Зрелищ. Свои кабацкие исполнители поднадоели, да к тому же напоминали о безвременном ушедшем желчном пузыре, поэтому захотелось чего-то заграничного. Заграницей преимущественно мыслилась Россия.

Законы проклятого капитализма действуют безукоризненно, спрос тут же родил предложение. Возможно, именно в ответ на ностальгическую тягу брайтонского общества к российской культуре, возникшую в основном в связи с упомянутой хирургической операцией, в СССР случились Перестройка с гласностью. Калитка приоткрылась, и в образовавшуюся щель буквально хлынула культура, которую уже никто не мог терпеть дома. Все эти Первые Леди и Королевы российской эстрады вместе с их Непревзойденными Королями и Неподражаемыми Принцами, на ходу теряя короны и обрывая подметки, всей своей монархической гурьбой ринулись окучивать Русскую Америку.

Неудержим русский человек! Даже если он и не русский. Самозванные "королевские" та-

ланты и их местные поклонники уже не могли тешить друг друга в полутемных кабаках.

Гульба переместилась, и куда! Мэдисон-Сквер Гарден и Эвери Фишер-Холл, Радио Сити Мюзик-Холл и Карнеги-Холл — названия, от которых подкашиваются колени у настоящих гениев мирового музыкального искусства, — принимали теперь любимцев российских братков. Держись, Америка! Получай искусство, мать твою... Вчера Лучано Паваротти, первый ряд, семьдесят пять долларов... Сегодня Пипа Пупина, третий ряд, сто восемьдесят баксов. Знай наших!

Но и этим дело не закончилось. Не удовлетворившись искусством из зала, в поисках истинного катарсиса эмиграция ринулась на подмостки сама. Люди, еще вчера занимавшие места в первых рядах на концертах "первых ледей России", вдруг сами заголосили в микрофоны. Особенно отличились почему-то медицинские работники. Если вы пришли в русский ресторан и там присутствует хоть один врач, знайте: рано или поздно он выйдет на эстраду, отберет микрофон у солиста оркестра и будет петь хоть до утра. Причем похоже, что у врачей дело тут вовсе не в слухе и голосе, а в каком-то неведомом нам, пациентам, принципе: хоть умри, а пой...

— Вова, ты зачем поешь на всех именинах? — осторожно спрашиваю я у своего лучшего друга, чудесного стоматолога, вынужденного чуть не каждую субботу сочинять новую песню очередному юбилею. — Тебя же люди уважают, а ты вдруг... поешь.

— Так надо, — мрачно отвечает Вова. — Ты не понимаешь, они привыкли, что я всем пою, если я им не спою, они же обидятся.

— Или обрадуются, — добавляю я, но уже мысленно, потому что люблю моего друга. Он же не виноват, что он врач.

Страсть русскоязычных врачей-эмигрантов к эстраднему пению — это, несомненно, тема серьезного научного исследования, скорее всего, с точки зрения психиатрической науки. Но до этого руки пока не дошли, хотя бы потому, что самый уважаемый в русской общине

психотерапевт Шура Пересорт сам сначала рванул в Голливуд записывать на свои деньги видеоклип, где он распевает зачем-то в сомбреро, окруженный легкоодетыми девицами, а затем и вовсе плюнул на брайтонских пациентов и отправился на длительные певческие гастроли в российскую глубинку. (Что, заметим по ходу, неплохая месть России за Пипу Пупину и ее поющих друзей.)

Постепенно из зала на сцену потянулись и состоятельные пациенты непрерывно поющих врачей: юристы, владельцы магазинов, ресторанов, а также люди без определенных занятий, но явно при деньгах. Расширилось жанровое и репертуарное разнообразие самонадеянных артистов. К эстраднему вокалу добавились декламация, танец, искусство киноповествования. Страстного желания быть на подмостках как можно дольше оставалось в избытке, но уже не хватало определенных навыков. Ведь большинство из участников этой эмигрантской художественной самонадеятельности не имели не только слуха и голоса. Многие также не умели говорить, двигаться, а некоторые — читать и писать. Таким образом, появилась насущная необходимость в наемной силе. Непристойная в Америке творческая интеллигенция вдруг нашла себе давно забытое применение: по специальности!

Свадьба, юбилей, годовщина, трехлетие внука — любое семейное событие стало превращаться в мощное театрализованное представление в двух-трех отделениях, с привлечением авторов, режиссеров, кино съемочных групп. Отношения творческой братии с жаждающими сценической славы работодателями складываются, как и водится, враждебные. Магазины не понимают, почему за написанные песни или сценарии юбилея надо платить, как за какую-то настоящую работу. Творцы, в свою очередь, обижаются на жадность, недооценку таланта и цензорские замашки.

Мой друг, литератор с 6-го Брайтона Адик Канецкий, рождая в муках сценарий серебря-

ной свадьбы владельца магазина оптики Шромера, жалуются:

— Ты понимаешь, блин, он сам нанимает себе писателей и артистов сочинять, что именно умное он будет произносить. Нанял? Хорошо! Но нет, потом он долго и нудно поучает нас, профессионалов, как именно он и его мырма-жена должны говорить и петь. "Я не люблю высокопарно. Что это тут у вас за рифма: "как птица"... Поменяйте на "напиться". И вообще, у вас здесь много сатиры. Дайте вместо этого больше юмора", — тут Адик изобразил Шромера и презрительно сплюнул. — Ты понял? Узнаешь тексты? Сам, блин, продает очки ворованные бухарцам, а чешет не хуже агитпропа. Я понимаю так: знаешь сам, как надо — пиши и пой сам, сука. Не знаешь, не умеешь, глуп — плати и молчи. Или — напивайся на своей собачьей свадьбе по старинке, без театра. Очешник сраный... Правильно?

— Неправильно, — отвечаю я.

— Почему неправильно? — удивляется литератор.

— Грубо, — говорю я. — Грубо после первой говорит такие длинные тосты. Наливай...

— Хорошо, — вздыхает Адик. — Давай еще по одной... Больше не могу. У меня через час съемки в Манхэттене.

— "Сладкую жизнь" снимаешь? — спрашиваю я.

— А ты как догадался? — Адик делает круглые глаза. — Кондитерскую "Белочка" на Ошен авеню знаешь? Внучка у него родилась, так они, блин, Плазу закрыли. А внучку — угдай, как называли?

— Белочка, — говорю я и наливаю сам.

Жертвы собственного резюме

Почему-то каждому эмигранту кажется, что в той, прежней, доамериканской жизни он был чуть выше, чуть значительнее и чуть влиятельнее, чем это было на самом деле. Наверное, поэтому в эмиграции и встречаешь такое количество главных врачей и главных инженеров. Ну прямо-таки сплошные главные гуляют по Брайтону, никого рядового. Всё сплошь генеральные директора, Народные артисты и выдающиеся деятели. Создается впечатление, что вся верхушка советской науки, культуры, промышленности и всего остального разом слиняла из Союза, что и послужило толчком для крушения империи. (Заметим в скобках, что на самом-то деле страна развалилась вовсе не потому, что начальники уехали, а именно потому, что они остались.)

Отчего же наши люди, мягко говоря, слегка преувеличивают свои былые достижения? Что, они уж такие особенные хвастуны? Нисколько! Я думаю, виною всему американская привычка составлять о себе так называемое резюме, что-то среднее между нашей родной анкетой и автобиографией. Без резюме в Америке — никуда. Даже устраивающийся грузчиком в супермаркет американец должен наклепать на себя резюме со сведениями об образовании, предыдущих работах, привычках и склонностях, с обязательным, как бы вскользь, упоминанием, что соискатель места искренне увлечен именно переноской коробок с продуктами и иной судьбы для себя не мыслит.

Составлению резюме американцев учат с детства. Наши же эмигранты постигают эту науку в зрелом возрасте на разных благотворительных курсах по шаблонным образцам вместе с азами английского языка.

Резюме должно быть написано так, чтобы после его прочтения работодатель с восторгом понял, что к нему пришел работник, о котором он мечтал всю жизнь. В письме-преамбуле, обычно сопровождающем резюме, скромный претендент на должность, ска-

жем, помощника бухгалтера пишет сам о себе примерно так:

"Выдающиеся арифметические способности дают мне право быть уверенным, что я наилучшая кандидатура на эту вакансию. Острый ум, безукоризненные манеры и кристальная честность в сочетании с врожденным прилежанием позволяют мне в кратчайший срок стать лучшим работником офиса, любимцем хозяев и клиентов, примером для подражания со стороны коллег. Любовь к постоянному подсчету, сохранению и приумножению чужих денег стала моей страстью и предназначением. По субботам пою в церковном хоре".

В свое время много ли было у нас возможностей приврать о себе в той же анкете с автобиографией? Да никаких. Ведь эти бумаги шли прямым ходом в первый отдел. Кто ж себе враг, чтоб связываться с "конторой"? Она про тебя и без твоих анкет знает больше тебя самого...

И вот теперь — главное: в Америке никто эти самые резюме не проверяет. Как-то вовремя не завели здесь первых отделов, и все пошло на самотек, то есть предполагается, что в резюме пишется чистая правда. А особенно никому в голову не придет проверять данные о прошлой жизни русского американца где-нибудь в Пескоструйске. Откуда им знать, на какой именно улице стояла Пескоструйская высшая академия наук, где наш человек работал академиком по ремонту компьютеров, как и отражено в его резюме на чисто английском языке.

Помнится, в одном старом анекдоте жлоб-картежник рассказывает, как он играл в поезде в очко с интеллигентом и выиграл большую сумму:

"Он говорит:

— У меня девятнадцать.

У меня, блин, перебор, но я ему вру:

— А у меня двадцать! Предъявить?

Он говорит:

— Зачем же предъявлять, я вам и так вежлив. Сдавайте дальше.

И тут мне ка-а-к поперло!..."

Конечно, поперет, если ничего предъявлять не надо!

— Сильно брехать не стоит, — учил меня бывалый эмигрант Сеня Питерский. — Пиши практически правду. Где, когда, что. Но подправить слегка нужно обязательно, иначе эти лохи (так Сеня называет коренных жителей) просто с тобой разговаривать не будут.

Сеня дело знает. Пока писал в резюме, что был в Ленинграде таксистом, никак не мог устроиться. А как только вставил строку, что якобы преподавал в автошколе, тут же был взят профессором в нью-йоркский Таксиколледж (ей-богу, есть тут такой) со всеми полагающимися льготами и бенефитами.

— Ничего тут такого нет, — ухмыляется Сеня, почесывая за ухом любимую болонку Жулю. — Откуда им знать, кем мы там были? Моя Жулька, например, в Союзе была сенбернардом...

Самое любопытное, что, приписав себе что-то приятное в резюме, автор вдруг сам начинает в это самое резюме верить. Напускает на себя значительность. Переоценивает возможности. Та же, например, вконец обнаглевшая в Штатах болонка Жулька может накинуться с воем хоть на автобус.

Вот и превращается в резюме наш человек, едва окончивший пищевой техникум в Смердянке, в старшего преподавателя этого уважаемого заведения. Интересно, что реальный старший преподаватель того же техникума, перебравшись в Айову, пишет в резюме, что был деканом. А самого бывшего декана теперь знают в Кливленде не иначе как ректора, и уже не пищевого техникума, а Смердянского университета еды. Представляете, если они все вдруг встретятся в одном месте?

А ведь такие интересные встречи бывают! К примеру, клавишник оркестра из ресторана "Бухарский парадиз" Рома Шмальц клялся, что был до отъезда художественным руководителем Ташкентского государственного симфонического оркестра и, разу-

меется, Народным артистом братского Узбекистана. И вот как-то подходит к бухарским оркестрантам в редкую минуту отдыха от буханья в инструменты некая посетительница ресторана, дородная дама с небольшими черными усиками, и интересуется, не найдется ли в их уважаемом оркестре местечка для нее, Народной артистки, лауреата различных государственных и международных премий.

— А где же вы, товарищ, играли на нашей бывшей родине? — интересуется руководитель бухарцев.

И усатая дама гордо сообщает, что служила она первой скрипкой Ташкентского государственного симфонического оркестра совсем недавно, и в те же примерно годы, в которые Рома Шмальц, по его словам и резюме, успешно этим талантливым коллективом руководил. И самое интересное, что лично Рома в этот момент вовсе не бросается даме на шею с криком: "Аделаида, где же ты пропадала все эти годы!" — а, наоборот, сосредоточенно возится с какими-то проводами от своего электророяля. Больше того, и дама тоже всем своим видом не показывает, что рада встрече с человеком, с которым бок о бок пожинала славу на подмостках. Она просто как бы и не узнает своего собственного художественного руководителя.

Как только дама отошла к своему столу, взгляды оркестрантов устремились, естественно, к Роме. Тогда клавишник Шмальц, глядя куда-то в сторону, наморщил лоб и тихо, как бы про себя, но достаточно громко, чтобы все слышали, пробормотал: "Нет, лицо ее я, кажется, припоминаю..."

Кто из этих двух талантов стал жертвой веры в собственное резюме, неизвестно. Вполне возможно, что оба. Да и какое это имеет значение? Каждому человеку свойственно верить в хорошее. Даже если это самое хорошее и не совсем правда. Вот я смогу на свое резюме, где написано, что я в Союзе был первым заместителем ответственного секретаря газеты "Известия", и думаю: "А зачем мне здесь вот эти лишние два слова — "первый заместитель"?.. Только путаница от них".

Анатолий ГОРБАТЮК

Воспоминания о замечательном чуде

"С глубоким прискорбием сообщая о смерти Леонида Анатольевича Киношера. Математик, педагог и просто замечательный чудак, одна из живых легенд города. В клубе "Интеграл", созданном и лелеемом им на протяжении десятилетий, выросло несколько поколений думающих людей. Леня Киношерер искал и находил "детей с живыми глазами" и умел делать так, чтобы они, взрослея, не теряли этой искры жизни..." Это траурное извещение, подписанное Борисом Яворским, появилось в конце мая 2015 года. Ушел из жизни человек явно неординарный, а потому заслуживший подробного жизнеописания, некоего посмертного исследования. Не будучи лично знаком с героем данного очерка, автор воспользуется рассказами о нем друзей и учеников, обещая при этом ничего не приукрасить или утаить.

Родился Леонид Анатольевич в обычной еврейской семье: отец — Анатолий Израйлевич, 1908 года рождения, уроженец райцентра Тростянец Винницкой области, мать Рива Хаимовна (в девичестве Бершадская) родилась в Одессе, где впоследствии познакомилась с будущим мужем.

На второй день после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз инженер Анатолий Киношерер явился в военкомат и вскоре был отправлен в действующую армию. Рива с маленьким Леней эвакуировались в глубь огромной страны. Находясь в эвакуации, в 1943 году получила на мужа "похоронку": так, мол, и так, Ваш муж, Киношерер А.И., пал смертью храбрых. Его похоронили где-то в Ростовской области — там, где погиб. Когда Одесса была освобождена, Рива с сыном вернулись в родной разрушенный город, где Леня пошел в первый класс...

Вспоминает **Гарик (Григорий) Ценный**: "Я познакомился с Леной Киношерером, когда мне было 5 или 6 лет. Вследствие перенесенного в 2 года полиомиелита я совсем не мог ходить, только ползал. Мой брат Вадим, который был старше на 6 лет, часто возвращался из школы со своими одноклассниками, среди которых был и Леня Киношерер. Эти ребята по-разному ко мне относились. Одни жалели, другие... Не хочется даже вспоминать. Но вот Леня Киношерер всегда относился ко мне, как к своему младшему брату: брал меня на руки и переносил из одной комнаты в другую, угощал конфетами... Когда я вырос и учился в Одесском политехническом институте, у меня возникло много вопросов по математике. Иногда я обращался к Лене, зная, что он прекрасный математик. Однажды он назначил мне встречу в проектно-институте, где тогда работал. В назначенное время я приехал к нему. Он выбежал на улицу и сказал, что очень занят и мне нужно подождать, пока он освободится, предложив подняться в холл здания. При этом объяснил, что его могут позвать в любое время и ему "надо быть на виду". После этого он сказал, что готов ответить на мои вопросы по математике. Помню, Леня очень быстро и предельно ясно разъяснил мне то, чего я не мог понять..."

"Мы познакомились очень давно — в 1952 году, в 4-м классе школы № 71, и вскоре стали друзьями на долгие годы, — рассказывает **Вадим Донской**. — Нас еще сближало и то, что наши отцы, оба инженеры, погибли в той проклятой войне примерно в одно и то же время. Ленин отец погиб в Ростовской области в 1943 году, а мой папа, Шуля-Эмил Григорьевич Донской, погиб в Харьковской области тоже в 1943-м..."

У нас были замечательные учителя. Например, Лидия Романовна — по литературе, Анна Марковна — по математике. Прошло время, и оказалось, что Леня Киношерер стал лучшим математиком в классе, а через несколько лет мог посоревноваться с самыми выдающимися математиками, даже в университете... Он был очень скромным. Постоянно вел кружки, которые посещали десятки желающих, среди них — и поступающие в институты. Очень часто задавал придуманные им математические загадки, и все радовались решенным задачам.

Леонид воспитал несколько поколений детей. Его занятия посещала и моя дочь, будущая студенткой математического факультета, а также младшая дочь — школьница. Леонид дружил с моим братом и нашей мамой. Они проводили вместе много времени за интересной беседой.

Кроме математических Леонид вел и шахматные кружки. Обстановка на его занятиях была теплой и дружеской. В 1968 году я уехал из Одессы, и мы с Леонидом поддерживали телефонную связь. Леонид был отзывчивым, прекрасным человеком, а для меня — и надежным другом. Он не жалел своего времени для добрых дел и помощи нуждающимся в его участии.

Очень больно ударило известие о страшной трагедии — уходе из жизни Леонида Анатольевича Киношера".

К уходу из жизни Леонида Киношера мы еще обязательно вернемся, а сейчас слово вновь берет **Гарик Ценный**: "Когда у моего брата был день рождения, Леня всегда приходил поздравить его. И всегда дарил ему что-нибудь оригинальное. А когда мой брат женился и переехал в Киев, Леня часто навещал нас. Расспрашивал о брате, о его жизни на новом месте... В дальнейшем, когда я уже окончил институт и работал в НИИ, Леня иногда заскакивал в нашу квартиру на Пушкинской, 45. Это происходило поздно, в 9 — 10 часов вечера. Мы сидели на кухне, пили чай или растворимый кофе. Леня всегда сам заваривал чай, а кофе он готовил как-то особенному — с пенкой. Очень вкусный..."

...Леня говорил очень быстро, слова вылетали со страшной скоростью. Я часто просил его говорить медленнее — бесполезно...

В 1992 году, тепло попрощавшись с другом, мы уехали в Израиль, и связь наша прервалась. Хотя мой брат иногда звонил ему и долго с ним разговаривал. Так я узнал, что Леня переехал из центра города на поселок Котовского, что у него умерла мама, Рива Хаимовна, и что он по-прежнему целыми днями занимается математикой и шахматами с детьми в различных кружках.

В конце 2013 года мы с братом издали книгу воспоминаний о нашей маме — известном одесском враче, а в начале 2014 года эту книгу передали Лене. Я тогда позвонил ему, чтобы узнать его мнение. Это был наш последний разговор..."

В трогательном "Признании в любви" (журнал "Мигдаль", № 131) **Малка Корец** вспоминает нашего героя: "Дорогой бульвар, передай привет своему соседу — Дому с атлантами. Хорошо помню, как четырнадцатилетней девочкой пришла в подвал твоего двора, чтобы в клубе "Интеграл" найти друзей. Там Леня Киношерер показывал всем желающим, какой интересной может быть математика. А еще там можно было выучить эсперанто и петь под гитару. Милый Дом с атлантами! Оставляй цел и невредим еще сто лет, и пусть в твоих подвалах всегда происходят только хорошие вещи!"

А вот как вспоминает Леонида Киношера **Лия Перлина**, одесситка, давно с семьей переехавшая в США: "Между собой мы называли его "Леня-математик". Леня всегда довольствовался малым в быту, но был очень жажден до знаний. Это был человек-книга, человек-энциклопедия, готовый всегда поделиться своими знаниями. Он был моим проводником в мир искусства и литературы. Забывая про еду и сон, он мог часами биться над головоломками и всякими трудно решаемыми задачами. Выбором своей профессии я во многом обязана ему. Леня верил в меня и поддерживал, помогал мне самоутвердиться. В его маленькой комнатке на Чкалова, 63, где он проживал долгие годы с мамой до получения новой квартиры на поселке Котовского, всегда гостили какие-то ученики "из глубинки", в которых он каким-то чудесным образом выявлял и развивал математические способности. Дети тянулись к нему и становились смыслом его жизни. Он организовал детский клуб "Интеграл" при Доме ученых, куда приходили все желающие. В наше время не часто встретишь таких одержимых и преданных своему делу людей. Мы живем в США, но никогда не забывали, что есть в нашей родной Одессе такие замечательные люди, благодаря которым и существует интеллигенция. Он навсегда останется в нашей памяти".

В газете "Порто-Франко" (№ 16 от 29.04.2005) журналист **Инна Ищук** подробно рассказывает о клубе "Интеграл" — любимом детище нашего героя и, думается, главном деле его жизни. "В основе клуба, — пишет автор очерка, — бесспорно, лежит логика. Логика общения и разностороннего познания мира. В клубе собираются ребята самых разных интересов, находя здесь друзей и самое лучшее для себя времяпрепровождение. Леонид Анатольевич Киношерер, руководитель клуба,

так и говорит, что главное для ребят — узнать как можно больше об окружающем мире.

— Мы ищем детей с живыми глазами, — сказал нам Леонид Анатольевич, — кто хочет думать, творить, размышлять. А с теми, кто особенно хочет уделить внимание математике, проводятся индивидуальные занятия. Ведь в математике столько еще неоткрытого и парадоксального!

Клуб "Интеграл" — это еще своеобразная математическая клиника. Но самое главное в клубе — это общение, знакомство с новым, удивительным окружающим миром культуры, искусства и науки в кругу таких же, как и ты, любознательных ребят".

Меня очень тронул этот поиск "детей с живыми глазами". Наверняка Город получил в результате когорту мальчишек и девчонок, которые буквально обречены на пополнение катастрофически вырождающегося того слоя общества, который уехавшая одесситка Лия Перлина называет интеллигенцией. Да, Одесса явно понесла невосполнимую утрату: попробуй найди такого второго Киношера...

Еще одним подтверждением сказанного является присланное в редакцию "ВОН" письмо **Даниила Селихановича**. Он представляется как "ученик 117-й школы и выпускник Ришельевского лицея". "Я никогда не забуду то первое впечатление, — пишет Даниил, — которое произвел на меня этот интереснейший человек. Учитель заявил, что математическая составляющая не является главной; кружок, скорее, должен был стать местом, где ребята могли бы делиться интересами, обсуждать культуру, кино, а также рассказывать про ближайшие интересные мероприятия в городе и места, которые стоит посетить... Хотя учитель жил далеко от школы, преград в общении не было: чем старше я становился, тем больше становилось число вечерних 30-минутных, проводимых в телефонных разговорах с Леонидом Анатольевичем... Он, оставивший после себя впечатление причудливого дедушки-энтузиаста, учил меня быть одесситом и показывал мне самые интересные места города. Вдвоем мы успели побывать на многих культурных мероприятиях: книжная выставка на Дерибасовской, лекции на мехмате Одесского университета, где я был самым юным слушателем, посещение Греческого фонда культуры, галереи картин, организатором которой был ученик Леонида Анатольевича..."

Благодаря его умению находить кураж в различных разделах математики, не одно поколение учеников становилось призерами различных этапов Малой академии наук (МАН) — всеукраинского конкурса-защиты научно-исследовательских работ школьников. В этом и был весь Леонид Анатольевич — настоящий одессит, фантастический педагог и всесторонне развитый клубный человек; он дарил всё самое ценное, что у него было — знания — детям и учил их не считать, а ДУМАТЬ... Он показывал различные математические фокусы, приводил интереснейшие примеры практического применения математических знаний в жизни и различных областях науки, литературы и музыки.

...Воспоминания о нём останутся незабываемыми и светлыми в памяти его учеников и друзей, ведь Леонид Анатольевич всегда был оптимистичным и позитивным человеком. Любите, не забывайте и цените своих учителей! Порой они уходят именно тогда, когда больше всего не ждешь этого.

Приношу искреннюю благодарность Григорию Ценному, Леониду Рукману, Велвелу Верховскому и всем тем, кто способствовал сбору средств на установление памятника Киношеру Леониду Анатольевичу. Светлая память и низкий поклон моему Наставнику!"

...Печальные и светлые воспоминания **Виктории Рувинской**: "Первые встречи с Леонидом Анатольевичем произошли в наши молодые годы на курсах иностранных языков, где он учил параллельно несколько языков. Леонид тогда казался чудаковатым и немного странным молодым человеком. Это было в конце 60-х — начале 70-х г.г.

В следующий раз мы столкнулись в кино-клубе, который вел Борис Владимировский. Было очень интересно, часто выходили в обсуждении за пределы самого фильма, говорили о политической ситуации в стране, много о культуре, нравственности и т. п. Леонид Анатольевич был активным участником, многие кинолюбители с ним охотно общались..."

Прошло много лет, я вышла замуж и родила сына, во многом отошла от светской жизни культурной элиты Одессы. И вот сын Евгений Беркович подросток, и в 1997 г. я его привела в Дом ученых, в философское общество, которым в то время руководил Аверий Иванович Уемов. После заседания к нам подошел Леонид Анатольевич и пригласил в свой клуб "Интеграл"... Женя в то время начал учиться в Ришельевском лицее, в математическом классе. Леонид Анатольевич был рад такому пополнению. В помещении клуба было много интересных книг — глаз не оторвать. Ребята здесь находились в культурном окружении во всех смыслах этого слова, кроме того, они вместе с Леонидом Анатольевичем посещали интересные культурные мероприятия.

Леонид Анатольевич занялся с Женей математикой, они вместе проводили научные исследования, а результаты докладывались в МАН. Все его ученики неизменно были лучшими на проводимых в Одессе конференциях молодых исследователей. Женя тоже с ходу занял первое место по области в своих исследованиях по применению информатики в геометрии для визуализации и получения новых научных результатов и ездил на конференцию в Киев. Рост Жени как математика привел к успешному участию в олимпиадах по математике и другим дисциплинам, а затем к поступлению и успешному окончанию университета по специальности "математика".

В середине 2000-х годов клуб "Интеграл" прекратил свое существование, помещение отобрали. Впоследствии Леонид Анатольевич вел кружки математики в Доме творчества школьников и в школах. Он отмечал, что с появлением компьютеров и Интернета началась новая жизнь, часто звонил нам и рассказывал, что интересного нашел или увидел.

Сейчас мы чувствуем, как нам не хватает его звонков — мы оказались в пустоте. Очень рано он ушел и слишком неожиданно". Согласен: и рано, и неожиданно...

Вместо эпилога

В траурном сообщении Благотворительного клуба выпускников и учителей им. А.И. Кудиновой я натолкнулся на такие строки: "...Тело педагога было найдено в его собственной квартире через две недели после смерти... С милицией вскрывали... Смерть носила естественный характер". Я остолебенел. Люди: друзья, поклонники, коллеги, ученики — как такое могло произойти?! Вы так нежно и, кажется, искренне любили этого, несомненно, удивительного человека, восторгались его способностями, его Богом данным талантом находить "детей с живыми глазами", вы стремились привести к нему своих детей и радовались их успехам, вам, наконец, так хотелось общаться с ним... Когда-то, в юном возрасте, меня потрясла корреспонденция советского корреспондента из Нью-Йорка. Рассказывая о звериных нравах мира капитализма, где, как известно, человек человеку — волк, он привел жуткую историю, произошедшую с пенсионеркой, чей прах (в полном смысле этого слова) был обнаружен в ее квартире через полгода. Кошмар какой-то! А ведь история-то похожая. Впрочем, нет: там — целых полгода, а здесь — всего...

Александр ДМИТРЕНКО

Настольные медали Одессы

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ, ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

(Начало в № 1 (91), март 2015 г.)

Юбилейная медаль
в память 50-летия
Императорского Одесского
общества истории
и древностей

История одного из первых обществ Одессы — Императорского Одесского общества истории и древностей — известна нам во многом благодаря сохранившимся 33 томам "Записок Одесского общества". Эти сборники, опубликованные с 1844 г. по 1919 г., по сути, сами являются замечательным памятником истории, памятником деятельности Императорского Одесского общества истории и древностей (далее — Общества или ИООИД).

Назывались эти сборники со 2-го тома (1848) — "Записки Одесского общества истории и древностей", а с 9-го тома (1875) — "Записки Императорского Одесского общества истории и древностей".

Общество просуществовало до 1922 года, скорее, по инерции, только на энтузиазме некоторых личностей, так, на форзаце 33-го тома (1919) читаем: "Вследствие крайней дороговизны печатания и по иным не зависящим от совета Общества причинам в состав настоящего XXXIII тома "Записок" вошла только часть имеющегося материала". Это был последний том "Записок".

Идея создания научного общества в Одессе, главной задачей которого было изучение и сохранение памятников старины, а основным девизом — "Всякое дело совершенствуется постепенно" ("Paulatim summa petuntur"), уже не один год витала в умах ученых горожан и просто любителей древностей. "Потребность дружного соединения умов и рук для разработки истории, географии и статистики Новороссийского края давно уже была чувствуема..." Мысли эти стали осязаемы в 1839 году, когда в дружеском кругу собравшихся у М.М. Кирьякова (к тому времени уже слабого и болезненного) идея учреждения Одесского общества истории и древностей была изложена и поддержана. Тотчас же был набросан проект Устава, определявший цели и задачи Общества. Через одного из членов-основателей, попечителя

Одесского учебного округа, Устав представлен был на утверждение министру народного просвещения С.С. Уварову, которое и последовало 25 марта 1839 года. Спустя месяц, 23 апреля 1839 года, в Ришельевском лицее, на учредительном собрании, Общество отпраздновало свое открытие.

Почетным президентом признан генерал-губернатор новороссийский и бессарабский граф М.С. Воронцов. Избраны баллотированием: президентом — Д.М. Княжевич, вице-президентом — А.С. Стурдза, секретарем — Н.Н. Мурзакевич, библиотекарем — А.Ф. Пиковул, казначеем — А.А. Скальковский.

К 24 октября 1839 года закончилось подготавливающее административное устройство Общества, и началась полномасштабная деятельность.

По ходатайству М.С. Воронцова 14 ноября 1839 года "...Его Императорское Величество Всемилошествойше соизволил даровать Обществу Августейшего покровителя в лице Его Императорского Высочества, Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Александра Николаевича, а для содействия целям Общества, Высочайше повелел производить из государственного казначейства ежегодно по 5000 руб. ассигнациями. Сверх того дано Обществу дозволение на производство археологических разысканий по всей Южной России, на казенных землях с разрешения местного начальства, а на частных с согласия владельцев" (здесь и далее в цитатах сохраняется орфография оригиналов).

В память об этой милости на заседании Общества 31 декабря 1839 года было решено утвердить дату 14 ноября началом нового отчетного года и впредь торжественные годовые отчетные собрания проводить в этот или ближайший к этому числу дни, о чем и было сообщено на следующем чрезвычайном торжественном собрании Общества, проходившем 4 февраля 1940 года.

Члены-основатели Общества:

Александр Скарлатович Стурдза (1791 — 1854) — дипломат, писатель, с 31 мая 1842 года по болезни устранился от деятельности в Обществе;

Дмитрий Максимович Княжевич (1788 — 1844) — президент Общества со времени его учреждения, писатель, член Российской академии, попечитель Одесского учебного округа, редактор первого тома "Записок";

Андрей Яковлевич Фабр (1789 — 1863) — начальник канцелярии графа Воронцова (1833 — 1847), действительный статский советник, член совета министра внутренних дел, губернатор Екатеринослава, тайный советник;

Михаил Михайлович Кирьяков (1810 — 1839) — окончил Московский университет, кандидат нравственно-политических наук, коллежский асессор, сын первого директора одесской таможни с 1795 года Михаила Михайловича Кирьякова;

Николай Никифорович Мурзакевич (1806 — 1883) — профессор Ришельевского лицея, первый секретарь Общества (1839 — 1875), а затем его вице-президент — с 10 марта 1875 г. по день кончины, 15 сентября 1883 г.

В год основания действительными членами Общества состояли 47 человек, почетными — 5; сотрудниками и корреспондентами — 17.

"Общество имеет целью распространение исторических и археологических сведений о Южной России, то-есть о Новороссийском крае, Бессарабии и восточном берегу Черного моря... В действительные члены общества избираются лица, известные своею полезною деятельностью по всем частям, относящимся к истории и древностям. По этому, в действительные члены могут быть избираемы не только лица, живущие постоянно в Одессе, но и пребывающие в других частях, и притом как русские, так и иностранцы. Членский взнос 5 руб. и за диплом взимается при вступлении 10 руб.". (В. Коханский. Одесса и ее окрестности. Полный иллюстрированный путеводитель. Справочная книга с 4 планами, 4 картами и 62 рисунками. 3-й год издания. — О. Типография Л. Ничте, Полицейская ул., 30. — 1892. — С. 155).

В 1843 году ИООИД открыло свой музей, который усилиями Н.Н. Мурзакевича в 1858 году был объединен с городским музеем древностей, основанным в 1825 году.

"Приспособленное в 1842 году к хранению поступающих древностей здание Музея становясь тесным, требовало расширения; в этом случае Одесский городской голова Г.Г. Маразли, отпуском в распоряжение Думы 30.000 рублей с условием, чтобы в новом здании помещалась городская публичная Библиотека и Музей Общества (учрежденные хранилища волею Императора Николая I в 1829 [1825-м, — прим. авт.] и 1839 годах), оказал Обществу полезную услугу. Постройка здания начата 22 августа 1882 года и в текущем 1883 году была окончена.

Новое здание Музея устроено на том месте, где был прежний Музей, под который, по распоряжению г. Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора графа Михаила Семеновича Воронцова, Одесский строительный комитет в 1842 году, данную, совершенную за № 5.789, 26 Октября при Биржевом здании, где теперь Дума, отвел 135 квадратных сажень земли, соответственно прямому его назначению, без права продажи". (Записки Одесского общества истории и древностей. — О, 1883. — Т. 13. — Смесь. — С. 197 — 198).

Ныне это Одесский археологический музей Национальной Академии наук Украины и расположен по адресу: ул. Ланжероновская, 4.

Из Адрес-календаря Одесского градоначальства на 1889 год. — О. [Типография Штаба войск Одесского военного округа], 1888. — С. 210: Императорское Одесское Общество истории и древностей (Биржевая площадь, д. № 8).

Президент — Александр Михайлович Дондуков-Корсаков (в Тифлисе);

вице-президент — действительный статский советник Владислав Норбертович Юргевич (Княжеская, д. № 31 — дом Буковецкого);

секретарь Общества — статский советник Владимир Александрович Яковлев (Нарышкинский спуск, дом Коклена № 12);

казначей — надворный советник Франц Осипович Моранди (Рыбная, соб. дом № 26).

В 1890 году в состав Общества входили президент — генерал от инфантерии Христофор Христофорович Рооп (избран 23 августа 1890 г.);

вице-президент — Владислав Норбертович Юргевич;

секретарь — Владимир Алексеевич Яковлев; казначей — Николай Владимирович Эрдели (избран 25 января 1890 г.).

Действительными членами Общества состояли 111 человек (в том числе 13 — за границей), почетными — 18, сотрудников и корреспондентов — 37 (10 — за границей)

(ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 160. Отчет Императорского Одесского Общества истории и древностей с 14 ноября 1889 г. по 14 ноября 1890 г. — О. (Тип. Штаба войск Одесского военного округа, Тираспольская, № 14). — С. 3).

В рукописном собрании библиотеки В.И. Вернадского в Киеве, в 5-м фонде собрана вся коллекция Общества, что сохранилась: тысячи единиц хранения.

На заседании ИООИД № 242 от 27 января 1889 года обсуждался вопрос празднования 50-летнего юбилея Общества: "...Сверх того Общество, вместе с ходатайством о разрешении ему праздновать 50-летнюю годовщину своего основания, определило просить разрешения озаглавить юбилейный день выбитием серебряных и бронзовых медалей с изображением на лицевой стороне бюстов в профиль Императоров Николая Павловича, Александра Николаевича и Государя Александра Александровича, а на оборотной лаврового венка с надписью в нем: Императорское Одесское Общество Истории и древностей. 1839 — 1889 г." (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 235, л. 11, 12. Протокол заседания, п. 3).

Весь процесс заказа юбилейной медали на Монетном дворе прослеживается в переписке и в периодической печати.

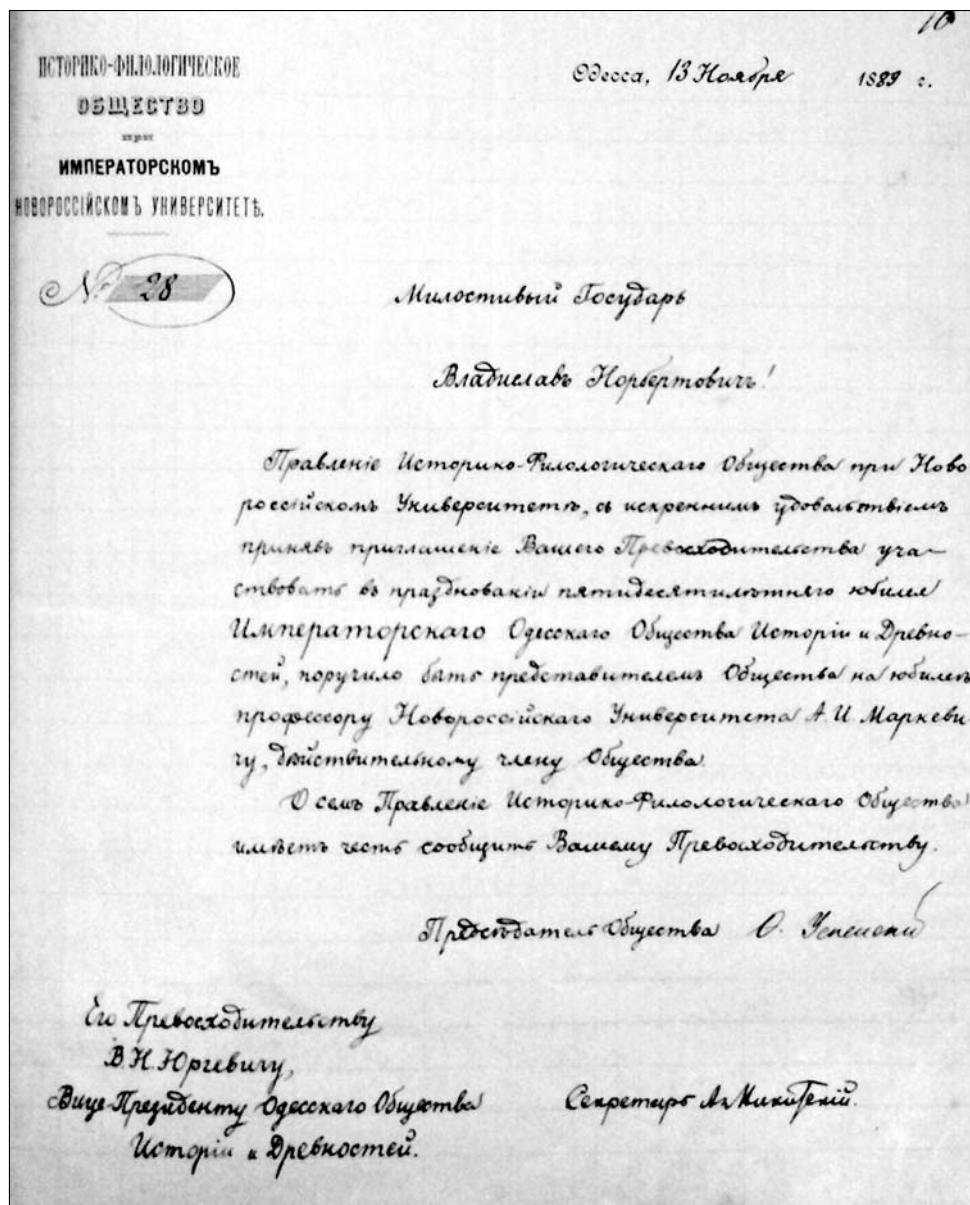
"Заседание императорского одесского общества истории и древностей состоялось третьего дня под председательством профессора В. Н. Юргевича ... после утверждения сметы приходов и расходов на 1889 год, собрание перешло к утверждению вопроса о праздновании 50-летия деятельности общества, наступающего 14 ноября с.г. ... кроме того, постановлено ходатайствовать о разрешении озаглавить юбилейный день выбитием серебряных и бронзовых юбилейных медалей (Одесский листок. — 29 янв. (10 февр.) 1889. — № 27. — С. 3. — Городская хроника).

"Заседание Императорского Общества истории и древностей состоялось третьего дня. По открытии заседания были доложены отчет казначея Общества о приходе и расходе сумм за истекший 1888 год и смета прихода и расхода на текущий 1889 г. После этого, собрание обсуждало вопрос о праздновании предстоящего 50-летия деятельности Общества, наступающего 14 ноября сего года. Собрание постановило: 1) ходатайствовать через г. президента, кн. Дондукова-Корсакова, о разрешении Обществу праздновать этот день юбилея, и 2) в случае получения на то разрешения, собраться на торжественное заседание означенного числа. На это заседание постановлено пригласить г. президента и всех почетных и действительных членов Общества, а также о предстоящем событии известить городское управление, все отечественные ученые учреждения и общества, равным образом и заграничные, с которыми Общество находится в сношениях. Торжество откроется молебствием, после которого последует чтение записки о 50-летней деятельности Общества, составление которой взял на себя г. вице-президент Общества. Записка эта, предварительно напечатанная, будет роздана присутствующим в собрании, которое закончится провозглашением имен новоизбранных членов Общества. Постановлено при этом ходатайствовать о разрешении озаглавить юбилейный день выбитием серебряной и бронзовой юбилейных медалей..." (Одесские новости. — 29 янв. 1889. — № 1203. — С. 3. Местная хроника).

Письмо от 6 мая 1889 года № 3918 Владимиру (Владиславу) Норбертовичу Юргевичу [вице-президент Общества с 20 октября 1883 г.] от директора канцелярии главного начальствующего гражданского частью на Кавказе (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 98, л. 57):

"Милостивый Государь, Владимир Норбертович!

По поводу оканчивающегося в настоящем году, 14го ноября, пятидесятилетия деятельности Императорского Одесского Общества истории и древностей, Генерал-Адъютант Князь Дондуков-Корсаков, вследствие письма Вашего Превосходительства от 6го минувшего февраля за № 39, и согласно постановлению Общества, просил Министра Народного Просвещения об испрошении Высочайшего соизволения на празднование Обществом сей годовщины и на предоставление Обществу в ознаменование юбилейного дня выбить серебряные и бронзовые медали, с изображениями в профили в Бозе почивших Императоров Николая Павловича и Александра Николаевича и ныне благополучно царствующего Государя Императора Александра Александровича.

Ныне Статс-Секретарь Граф Делянов в письме от 8го апреля за № 6351, просит доставить в Министерство Народного Просвещения, в непродолжительном, по возможности, времени, рисунков, проектируемых Обществом медалей.

По поручению Князя Александра Михайловича [Президент Общества с 21го июня 1882 г. Князь Александр Михайлович Дондуков-Корсаков], имею честь покорнейше просить Вас о присылке, в возможной скорости, рисунков, проектируемых Императорским Одесским Обществом истории и древностей, в ознаменование юбилейного дня, 14го ноября, сего года.

Покорнейше прошу Вас, Милостивый Государь, принять уверения в истинном почтении и преданности".

"Заседание Общества истории и древностей состоится во вторник, 16 мая. Главным предметом заседания будет обсуждение вопроса о праздновании 50-летия юбилея этого общества. От Министерства внутренних дел поступило в Общество требование о присылки изображения медали, какую предполагается изготовить к юбилейному торжеству" (Одесские новости. — 14 (26) мая 1889. — № 1283. — С. 6. Местная хроника).

Письмо департамента разряда ученых учреждений Министерства народного просвещения к министру финансов от [неразборчиво, — прим. авт.] июля 1889 года № 11451 с просьбой выбить к 50-летию Общества серебряные и бронзовые медали с изображением в профиль императоров Николая Павловича, Александра Николаевича и ныне царствующего Александра Александровича (РГИА, ф. 570, оп. 11, д. 388, л. 2 — л. 2 об.).

Письмо от 11 сентября 1889 года № 8475 Владимиру Норбертовичу Юргевичу от директора канцелярии главного начальника гражданского частью на Кавказе: "...замедление в его разрешении, объясняется, как надо полагать, пересоставлением проектируемого рисунка медали" (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 98, л. 87).

Письмо министра народного просвещения от 22 октября 1889 года № 18074 (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 98, л. 110).

"Господину Президенту Императорского Одесского Общества Истории и Древностей Государь Император по всеподданнейшему моему докладу в 16 день сего Октября, Высочайше соизволил на празднование 14го ноября текущего года дня пятидесятилетия деятельности Императорского Одесского Общества Истории и Древностей и на выбитие по сему случаю медали, рисунком которой в тот же день удостоился Высочайшего утверждения.

О таковом Высочайшем повелении имею честь уведомить Ваше Сиятельство, для зависящего распоряжения, с препровождением в копии, Высочайше утвержденного рисунка медали".

Письмо начальника Санкт-Петербургского монетного двора Министерства финансов от 8 декабря 1889 года № 3021 (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 98, л. 132).

"В Императорское Одесское Общество Истории и Древностей.

На отношение Одесского Общества Истории и Древностей от 20го минувшего Ноября сего года за № 565им С-Петербургский Монетный Двор имеет честь уведомить, что при курсе 7 руб. 51 коп. за полумпериал и 1 руб. 11 коп. за серебряный рубль медали для Общества, по присланному рисунку, будут стоить: золотая с футляром до 100 руб., серебряная с футляром же 8 руб. и бронзовая с коробкой 70 коп., кроме того, изготовление штемпелей обойдется в 70 руб."

В одесских газетах широко освещалось празднование 50-летнего юбилея Общества: "Сегодня 50-летний юбилей Императорского Одесского Общества истории и древностей будет чествоваться в следующем порядке:

В 1^{1/2} час дня действительным членом Общества, протоиереем д. Лебединцевым будет отслужено молебствие, после чего будут прочитаны приветствия ... Юргевич зачитает записку и будут оглашены имена избранных 12-го ноября почетных членов Общества..." (Одесский листок. — 14 (26) нояб. 1889. — № 304. — С. 2. Дневник).

"Одесское Общество истории и древностей отправило господину Министру народного просвещения графу Делянову для поднесения Государю Императору и Князьям

Михайлу, Николаю, Константину Николаевичам экземпляр вышедшего из печати 15 тома "Записок", которые отпечатаны на веле-невой бумаге и роскошно переплетены.

На торжество разослано 160 приглашений представителям отдельных учреждений и учебных обществ г. Одессы, всему составу историко-филологического факультета Новороссийского университета, директорам средних учебных заведений и преподавателям истории в них" (Одесские новости. — 11(23) нояб. 1889. — № 1431. — С. 2. Местная хроника).

Как свидетельствуют документы, к торжеству медали не были готовы, и их изготовление, соответственно, и вручение состоялось гораздо позже, уже в 1890 году.

Из протоколов заседания Одесского Императорского общества истории и древностей:

№ 51 от 3 февраля 1890 года, Общество заказало 2 золотые, 30 серебряных и 25 бронзовых медалей;

№ 129 от 3 марта 1890 года, Общество еще заказало 1 золотую, 2 серебряных и 5 бронзовых медалей;

№ 231 от 21 апреля 1890 года — 1 золотую, 1 серебряную и 1 бронзовую;

№ 272 — в июне 1890 года медали еще не прислали;

№ 278 от 11 июля 1890 года, Общество заказало еще одну серебряную медаль;

№ 280 от 11 июля 1890 года — Общество медали не получило.

В письме от монетного двора № 10939 от 24 июля 1890 года сообщается, что изготовлено 4 золотых, 36 серебряных, 30 бронзовых и за них необходимо уплатить казначейству 376 руб., 288 руб., 21 руб. соответственно, а также 71 руб. за изготовление штемпелей и 7 руб. 84 коп за почтовые расходы. Итого к оплате — 763 руб. 84 коп.;

№ 323 от 23 сентября 1890 года, Общество отправило на монетный двор квитанцию об оплате.

Письмо казначею Общества Н.В. Эрдели от 22 сентября 1890 года. Вице-президент Общества В.Н. Юргевич сообщает: "Необходимо уплатить Монетному Двору 763 руб. 84 коп., от членов общества собрано 587 руб. [3 золотые — 300 руб., 26 серебряных — 234 руб., 27 бронзовых — 54 руб., итого 588 руб., лишний рубль позднее вернули А. Н. Бертье-Делагарду — прим. авт.], поэтому добавить из казны Общества 176 руб. 84 коп. за 1 золотую медаль для Государя Императора, 8 серебряных для Великих Князей — Константину Николаевичу, Николаю Николаевичу, Михаилу Николаевичу, Константину Константиновичу, Сергею Александровичу; Министру Народного Просвещения И. Д. Делянову; графу Строганову и одну для Общества, две лишние серебряные медали, изготовленные на монетном дворе, помимо заказанных 34-х, а также за 4 бронзовых, коих одна для Общества".

Эта информация подтверждается и документами другого архива — Российского государственного исторического архива (С.-Петербург). Счета за изготовление двух штемпелей, 4 золотых, 35 (36) серебряных и 30 бронзовых медалей поданы 12 июля 1890 года за №№ 789 и 790. (РГИА, ф. 570, оп. 11, д. 388. Об изготовлении штемпелей и медалей Одесского общества истории и древностей).

В письме вице-президента В. Юргевича казначею Общества от 1 декабря 1890 года сообщались расходы, связанные с отправкой по почте медалей (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 237, л. 28):

за 18 деревянных ящиков для отправки медалей — 2,50 руб.;

перевозка ящиков, бумага оберточная, шпагат, отправка посылок с медалями на почту, страховка и т. д. Так, в частности, за страховку и отправку по почте ящиков с медалями министру Дондукову-Корсакову и Дашкову — 3,75 руб.;

посылка с медалью епископу и страховка — 0,75 руб.

На заседании ИООИД от 8 февраля 1891 года (ГАОО, ф. 93, оп. 1, д. 6) зачитались сообщения о получении медалей:

пункт 10. "Письмо Почетного члена генерал-адъютанта Князя Дондукова-Корсакова на имя вице-президента с уведомлением о получении с искренней благодарностью золотой медали в память 50-летнего юбилея Общества";

пункт 11. "Отношение магистрата города Варшавы от 11 января с уведомлением о получении и передаче юбилейной серебряной

медали Действительному члену Общества генерал-лейтенанту Сократу Ивановичу Старынкевичу";

пункт 12. "Письмо действительного члена Анатолия Аркадьевича Декарьера с уведомлением о получении до сих пор юбилейной медали. При этом вице-президент заявил, что юбилейная серебряная медаль отправлена в Елисаветград и принята на почте 20 октября, прошлого 1890 года, на что имеется расписка почтового чиновника в разносной книге под № 394..."

Удалось также обнаружить информацию о получении золотой медали государем императором Александром III и из других источников.

"...Затем было заслушано отношение г. министра народного просвещения от 4 декабря на имя президента Общества, с уведомлением, что Государь Император, по всеподданнейшему его докладу, соизволил благосклонно принять золотую медаль, выбитую в память 50-летия Общества... затем было прочтено отношение того же министра с выражением благодарности за серебряную медаль...". (Одесские новости. — 19 (31) дек. 1890 — № 1809. — С. 3. Местная хроника).

"Государь Император, Августейший Покровитель Общества, соизволил принять благосклонно поднесенные чрез посредство г. Министра Народного Просвещения **золотую медаль**, выбитую в память 50-ти-летней деятельности Общества, и отчет Общества за 1889 — 1890 г." (Отчет Императорского Одесского общества истории и древностей с 14 ноября 1890 г. по 14 ноября 1891 г. — О. типография "Одесского вестника" (Пушкинская, д. № 19), 1892. — С. 3).

Таким образом, можно утверждать, что медаль в честь 50-летнего юбилея Одесского Императорского общества истории и древностей изготовлена на Санкт-Петербургском монетном дворе в 1890 году тиражом: **4 золотые, 36 серебряных и 30 бронзовых**. Медали выбиты одним штемпелем для всех металлов, поэтому имеют один диаметр и одинаковый рисунок.

Своим письмом Императорское Одесское общество истории и древностей уведомило своих членов о предоставлении монетным двором цен за изготовление медалей в память 50-летия Общества и о возможности заказа медалей по цене: за золотую — 100 руб., за серебряную — 9 руб., за бронзовую — 2 руб.

Из документов Государственного архива в Одесской области удалось установить владельцев большинства медалей.

Золотые — 4 шт.: государь император Александр III, князь, генерал-адъютант Александр Михайлович Дондуков-Корсаков — президент Общества (Порхов), Василий Андреевич Дашков — почетный член Общества (Москва), преосвященный Нафанаил — бывший епископ Архангельский и Холмогорский (Феодосиево-Тотельский монастырь Вологодской епархии).

Серебряные — 31 шт. из 36-ти: великие князья — Константин Николаевич, Николай Николаевич, Михаил Николаевич, Константин Константинович, Сергей Александрович, Делянов Иван Давыдович — министр народного просвещения (Санкт-Петербург), граф Строганов Александр Григорьевич (Одесса),

Маразли Григорий Григорьевич (Одесса), протоиерей Мартирий Феодорович Чечена — ректор семинарии (Одесса), Иван Юрьевич [Георгиевич] Вучина (Одесса),

Владимир Романович Вассаль (Одесса), Иван Ираклиевич Курис (Одесса), Александр Александрович Кочубинский (Одесса),

Владимир Николаевич Пирогов (Одесса), Николай Владимирович Эрдели (Одесса), протоиерей Ангел Иефани (Одесса),

Егор Иванович Перетяткович (Одесса), преосвященный Платон — митрополит Киевский и Галицкий (Киев),

преосвященный Леонтий — архиепископ Холмский и Варшавский (Варшава), преосвященный Савва — архиепископ Тверской и Кашинский (Тверь),

Сократ Иванович Старынкевич (Варшава), Александр Сергеевич Князев (Псков), Нил Александрович Попов (Москва),

Иван Александрович Вахрамеев (Ярославль), Полидор Петрович Вакье (Севастополь), Савва Васильевич Бодилевский (Киев),

Александр Львович Бертье-Делагард — (Одесса), Анатолий Аркадиевич Декарьер (Елисаветград),

Степан Григорьевич Романовский (Судак), Иван Кассианович [Константинович] Сурчан (Кишинев),

Иван Александрович Шляков (Ростов Ярославской губернии).

Бронзовые — 23 шт. из 30-ти: Владимир Романович Вассаль (Одесса), Аркадий Васильевич Лонгинов (Одесса), Константин Андреевич Пятницкий (Одесса), Николай Карлович Вейс (Одесса), Федор Иванович Леонтович (Одесса), Арсений Григорьевич Лебединцев — протоиерей (Одесса),

Лев Степанович Мацевич (Одесса), Алексей Иванович Маркевич (Одесса), Николай Фомич Красносельцев (Одесса), Михаил Иванович Семевский (Санкт-Петербург),

Иван Васильевич Помяловский — 2 шт. (Санкт-Петербург),

Поллидор Петрович Вакье (Севастополь), Василий Ксенофонтонвич Виноградов (Феодосия),

Александр Константинович Накко (Кишинев),

Андрей Александрович Титов (Ростов Ярославской губернии),

Платон Александрович Китицын (Голованевск Подольской губернии),

Василий Федорович Грохис — директор Мелек-Чесменского музея (Керчь),

священник отец Херувим, в миру Даниил Кушнерев (Феодосия),

Карл Казимирович Косцюшко-Валюжинич (Севастополь),

Аркадий Александрович Талызин — гофмейстер (Москва),

Михаил Георгиевич Попруженко (Одесса), Мария Дмитриевна Княжевн (Одесса).

По одной серебряной и бронзовой медали передано в музей Общества. Не найдены получатели 4 серебряных и 6 бронзовых медалей. Но можно предположить, что юбилейные серебряные медали также получили почетные члены Общества: Х.Х. Рооп, В.Н. Юргевич. А бронзовые — секретарь Общества Яковлев и Моранди. 2 серебряные медали и 4 бронзовые медали остались в фонде Общества.

Юбилейная медаль в память 50-летия Императорского Одесского общества истории и древностей — экземпляр Одесского археологического музея Национальной Академии наук Украины, бронза, диаметр 46,5 мм, вес 53,63 г.

Литература о медалях:

Смирнов В. П. Описание русских медалей. — С.П., 1908. — С. 493, № 979. В память 50-летия Императорского Одесского общества истории и древностей.

Лиц. ст. Внутри венка, составленного из перевязанных внизу лентой лавровой и дубовой ветвей — погрудные, профильные изображения Императоров: Александра III вправо, а ниже (к центру обращенные изображения) Александра II слева и Николая I справа. По окружности соответственно расположенная надпись: ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ I — ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II — ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ III *

Об. ст. В середине: АWЛQ | АWIIQ | (1839-1889) вокруг надпись: ИМПЕРАТОРСКОЕ ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ * по окружности — венки из перевязанных внизу лентой лавровой и дубовой ветвей.

Загинайло А.Г. Юбилейная медаль Одесского Общества истории и древностей // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — Вып. 4. — О. [Одесское книжное издательство], 1962. — С. 269 — 270.

Корченев В. О чем поведала медаль [краеведческие очерки]. — О. — Маяк. — 1988. — С. 83.

Корченев В. Одесса в медалях, жетонах, знаках 1817 — 1917 — 1941 [каталог]. — New York. — Laosoon. — 2000. — С. 29 (номер по каталогу 11).

Корченев В. Как рождаются и умирают коллекции [Второе издание как дополнение к первому и вышедшему в 2000 году каталогу]. — New York. — Liberty Publishing House. — 2014. — С. 265. [во всех трех изданиях Виктор Корченев указывает на наличие только бронзовой медали, — прим. авт.].

Дьяков М.Е. Медали Российской Империи. — М., 2006. — т. 6 (1881 — 1894). — С. 136, № 1031.1.

Евгений ДЕМЕНОК

Верлибры

ВЕЧНАЯ СУББОТА

Просите, и дано будет вам
Видимо, плохо просили
Теперь все приходится делать самим
В поте лица своего и чужого
А если научиться
И попросить как следует
Возможно, нас вернут обратно в рай
Рай — это вечная суббота.

Противоположность безысходности — исход,
Хотя на самом деле они
Следуют одно за другим.
Так евреи когда-то
Вышли из Египта.
Наш бывший Союз, видимо, тоже был Египтом,
Потому что из него бежали
И бежали несколько поколений
Даже после того, как он развалился.
Волны эмиграции катились на юг,
Накрывая с головой наш
Маленький, но гордый приморский город,
Вымывая из него всё лучшее.
От последней он так и не оправился.

Для того, чтобы родилась большая река,
Должны слиться много маленьких ручейков.
Всё большое начинается с малого.
Ручейки возникают из ничего,
Они журчат среди камней, режутся на солнце,
Играют на перекатах. Они всегда
Чистые и свежие,
И вода в них вкусная.
Большая река
Течёт медленно, собирая по дороге всю грязь,
И к устью становится широкой и мутной.
Каждый может выбирать, что ему ближе —
Ручеёк или река.
Я всегда хотел быть ручейком.

Поражаюсь, как прочно устроен наш мир.
Люди ежедневно совершают
Столько ошибок и глупостей,
А он всё ещё цел.

Изгиб твоего тела так же прекрасен,
Как излучина этой реки.
У излучины можно сидеть
И долго любоваться водой.
Но около тебя
Усидеть невозможно.

ПРАГА

Поблескивая натертыми частями,
Старые статуи молча охраняют мост.
Стая чаек, поднявшись вверх от темной воды,
кружит над ними.

Белые пятна на черном небе.
Пражский град сияет наверху
Картинкой из глянцевого журнала.
Ни ветерка. Ни дуновения. Я словно попал
На сцену театра, где ставят
Какую-то средневековую пьесу
А все люди вокруг — актеры.
Замерла на месте
Черная вода канала.
Желтые фонари Малой Страны
Освещают гладкие стены домов.
В их свете
Все кажется призрачным.
И сам я — как призрак,
Внезапно попавший
На сцену театра.

Она стояла у дверей
Вагона метро
Смуглая кожа, тёмные длинные
Волосы, чуть опущенные вниз
Уголки глаз.
"Какая хрупкая, — думал я. — Какая хрупкая".
Когда она вышла, я встал на её
Место.
Поручень хранил тепло её руки.
Я ехал и держал её за руку.

КИПР

На Кипре трудно сочинять
От сочинительства отвлекает наслаждение
Всё время чем-то наслаждаешься:
рано утром — ярким солнцем

Цветом морской воды, красными и жёлтыми цветами
Рассыпанными на деревьях и кустах
Днём — едой и прохладой кондиционера
Холодным кофе и полудрёмой в тени
Вечером — спектаклем в старинном амфитеатре и
Общением с друзьями в переполненном кафе
Ночью — пением цикад и небом, усыпанным звёздами
Всё время отвлекаешься на что-то хорошее и важное

Пафос
Одеон
Электра
Две тысячи лет назад драму играли тут же
Так же
Те же

Тридцать пять в тени
Вроде привык к жаре, но
Шатаюсь, бредёшь домой
В нокдауне от теплового удара
Кипрский полдень

В нашей деревне
Время летит быстро
Только поспевай
Те, кто не успевают за временем
Остаются жить в прошлом
Так и я
Решил подождать, когда оно
Совершит круг
И вновь вернётся ко мне
Выпью пока холодный кофе

МЕСТО РОЖДЕНИЯ
АФРОДИТЫ

Много Луны
В тёплой воде
Местный старожил
Рассказал нам по секрету
Что в такие ночи
Сюда приходит купаться сама Афродита
Ждём

Вадим ЧИРКОВ

Рудос

У Рудольфа Ольшевского более 20 стихотворных сборников, часть вышла в Москве. В каждой книжке была его фотография. Мой рассказ — о самом первом обнародованном его фото.

Оно было помещено на доске-плакате "Они позорят наш город" в Соборном парке в Одессе (Рудик — одессит). В то время по улицам наших городов расхаживали так называемые комсомольские патрули и зорко следили за всем, что, с их точки зрения, нарушало общественный порядок. Порядок нарушала, прежде всего, молодежная мода. Молодежь носила то брюки-клеш, то брюки-дудочки. Комсомольцы задерживали клешников, отводили их в свой штаб, расположенный обычно в подвале домоуправления, строго и осуждающе на них смотрели, читали блистающие правойот нотации, а потом... вырезали большими ножами клин в клешах. У "дудочников" ("дудки" бывали так узки (о мода!), что надевать из приходилось, намылив предварительно пятки) брюки распарывали и в таком виде их носителя выпускали на улицу. Некоторых "нарушителей" фотографировали, чтобы вывесить их фото на доске позора. Так было, ребята, такое интересное мы переживали время...

Общесоюзный сатирический журнал "Крокодиль" работал тогда на уровне этих комсомольских патрулей, высмеивая "стиляг": сколько было карикатур, сколько было написано стихов в их адрес!

В Одессе было еще вот что. Моряки, побывав в загранике, привозили оттуда всяческие — у нас экзотические — шмотки и втридорога ими торговали. Джинсы, рубашки, куртки, даже носки... Рудос — имею право называть его так: был с ним дружен много лет, да и так его прозывали в Одессе — каким-то образом "достал" куртку из, кажется, Гонконга, во всю ее спину был вышит яркий-яркий скалящийся тигр. И носился в этой куртке по Дерибасовской и улице Советской Армии, где он жил, привлекая к себе чуть ли не все взгляды — а что еще нужно 16 — 17-летнему юнцу! Впрочем, известен он был не только курткой: Рудик писал тогда стихи и читал их каждому новому знакомому, завлекая его в первый попавшийся подъезд.

Тогда в моде был Ив Монтан, песенки его знали и напевали все. И Рудик сделал одесским его шансон "Парижские бульвары":

Как я люблю в вечерний час
По нашей Дерибасовской пройти
хотя бы раз,

Там много пищи есть для глаз —
Одесские бродяги, планакеш и стилиаги...
"Планакеш и стилиаги" в наше время нужно уже переводить. Планакеш — курильщик планана, планчика, анаши-марихуаны; стилиага — супермодно одетый молодой человек: длинный пиджак-джерси, южноамериканский галстук, брюки-дудочки с высокими манжетами, кок на голове, туфли на "бутербродах". Их от-

лавливали на улицах, как сбежавших из клеток шимпанзе, и отводили в подвал.

Понятно, что и яркую куртку Рудоса заметил патруль. Его перехватили на бегу, и он оказался перед строгими взглядами комсомольского штаба...

К фотографии стилиаги Рудольфа Гольдфельда (настоящая фамилия поэта), наклеенной на доске позора в центре Одессы, Рудик приводил всех своих друзей и приятелей, чтобы похвастаться "дебютом". Под ней был помещен комсомольский текст, вот его кусочек:

"На наш вопрос, почему он ходит по городу в такой попугайской куртке явно зарубежного происхождения, Р. Гольдфельд нагло ответил: "Потому что она мне нравится!"
Каков!..

Спрашивается, что хорошего мы можем ждать от такого любителя прозападного тлетворного образа жизни?!"

Ольшевский написал много хороших стихов, над одним из них я, помню, услышав строчку, прослезился.

Просто покалечить о том о сем с Рудиком было сложно: он в любую встречу обрушивал на меня свои последние стихи. Впрочем, он всегда и со всеми этим занимался. Таковы многие поэты.

И все же иногда удавалось отвлечь Р. от декламации — но речь и тогда шла о стихах. Как-то я заговорил о Светлове — вспомнилась то ли его шутка, то ли его строчка. Р. ответил на это имя категорично и свысока: "Комсомольский поэт!" Он их не признавал. Тут я скажу, что нелюбовь к комсомольским поэтам: Безыменскому, Светлову ("Комсомол — ты мое начальство! Обожаю тебя и боюсь!.."), Жарову, Уткину — привили ему московские мэтры, которые, наезжая в Кишинев, гостевали у него.

Ладно.
Была у меня с Р. очередная встреча у него дома. Я выслушал очередную порцию "последних" стихов, назвал понравившиеся образы и предложил "на пробу" некие четыре строчки. Он согласился, и я прочитал:

...В вечность поплывет мое лицо,
Ни на что, ни на кого не глядя,
Чей-то мальчик выйдет на крыльцо,
— До свиданья! — крикнет, —
до свиданья, дядя!

— Ох ты! — сказал Р. — Это кто?
— Светлов, — ответил я. — Последняя строфа стихотворения.

...Умер Рудик как поэт — у микрофона, читая стихи в одном из залов Бостона, перед небольшой аудиторией. Вдруг повалился... инсульт. Умер рано, его доконала гипертония, от которой он страдал всю жизнь.

Долгая дорога к Храму

Летом года 2012-го православная община Мещанского храма усиленно молилась о здравии всех, кто оказал помощь в решении земельного вопроса...

Свято-Вознесенской, иначе именуемой Мещанской, церкви к этому времени в Одессе уже лет восемьдесят, как не существовало: красивая, чуть "пряничная", венчающая Тираспольскую улицу с 1897 года, усилиями Советской власти она была снесена в 30-х.

А вот "земельный вопрос" был — безымянный скверик на перечесении Тираспольской, Старопортофранковской, Мечникова и Колонтаевской улиц, землю которого церковь когда-то занимала. Решением городских властей скверик исключили из перечня городских парков и скверов, и его земля была передана общине — "для проектирования, воссоздания и обслуживания на месте своего существования Свято-Вознесенского (Мещанского) храма".

"Проектирование и воссоздание" случились очень быстро, чему поспособствовали то ли благотворительный концерт в местной филармонии, то ли благосклонность тогдашнего одесского мэра Костусева... Правда, "обслуживаться" стал не воссозданный храм, а быстренько построенная вместо него часовенка. Как тогда уверяли ее прихожане, место это "намоленное" и разрушенный храм, безусловно, будет воссоздан. Это подтверждал и огромный плакат, установленный рядышком, презентующий будущую Свято-Вознесенскую (Мещанскую) церковь во всей былой красе.

...Этот плакат до сих пор стоит. Стоит и часовня, чудесным образом преобразившаяся в Свято-Вознесенский храм. Сносить ее и воссоздавать настоящую Мещанскую церковь пока никто не торопится. Место, считавшееся два года назад "намоленным", сегодня вдруг оказалось "ненамоленным": по словам настоятеля церкви, протоиерея Илии, это место после многих лет осквернения требуется намаливать заново.

— Все зависит от одесситов, от их веры и участия, — уверяет настоятель. — Если построить храм большой, но люди не будут участвовать в строительстве, то им никто дорожить не будет...

Сколько времени потребуется на "намаливание", непонятно. Но известно, что от начала сбора пожертвований на строительство церкви в память "чудесного спасения Государя Императора Александра II 4 апреля 1866 года" до постройки Мещанской церкви нашим предкам потребовалось более 30 лет.

Мы в самом начале пути?

Евгений ВОЛОКИН.
Фотографии из коллекции автора.

Вид с Тираспольской улицы на Свято-Вознесенскую (Мещанскую) церковь незадолго перед сносом. Фотография 1930-х годов.

Так выглядела Мещанская церковь в 1902 году

Мещанская церковь через два года после начала воссоздания. Фото Вячеслава Тенякова.

Памяти Сергея Зеноновича Луцкича

8 ноября 2015 года умер Сергей Зенонович Луцкич. Ни званий, ни наград не было у этого человека. Но уже многие годы мы понимали, как много значит он в жизни не только культурной Одессы, но и далеко за ее пределами.

Библиофил, краевед, литератор. До этого — инженер. Всё так, но только этого перечисления недостаточно.

Сергей Луцкич был примером того, как следует сохранять чувство собственного достоинства. Как можно его сохранить вопреки "правилам игры", которые навязывает время.

Сергей Луцкич был тем человеком, о котором всегда помнилось, а как на твой поступок, фразу он отреагирует.

У Давида Самойлова: "Нет у них, и всё разрешено". Сознание, что есть Луцкич, внушало: нельзя было сподличать. Он этого не прощал. Уходит эпоха. Очень сложная эпоха.

У Сергея было ясное представление, о том, что Октябрь — это злодейство, вооруженный переворот, что тоталитарная власть отвратительна. Он вернул из небытия имена Михаила

Жука, Вениамина Бабаджана, Владимира Издебского, Семена Кесельмана и многих других — вычеркнутых и забытых. И не переносил запахов национализма — русского, украинского, еврейского; и свои взгляды не скрывал. Они — в его замечательных книгах.

С первых номеров во "Всемирных одесских новостях", а потом и в альманахе "Дерибасовская — Ришельевская" Сергей Зенонович — в числе наших постоянных и любимых авторов.

Горжусь, что его первую заметку о рисунке П. Коновского я опубликовал в "Комсомольской искре" в 1966 году. В последнее время, когда он тяжело болел, мы продолжали публиковать тексты из его архива.

Больно, невыносимо терять друзей. Утешает лишь мысль — память о Сергее Зеноновиче Луцкиче, настоящем Одессите, так много сделавшем во имя Одессы, ее культуры, будет жить долго.

Евгений Голубовский.

Десятого ноября проводили в последний путь Сергея Зеноновича Луцкича, человека с колоссальным творческим потенциалом, одного из моих учителей.

Главным занятием его жизни считают литературное краеведение. В принципе, так оно и есть, о чем свидетельствуют блистательные книги и публикации о литературных прототипах.

Думаю, его занятия были намного шире: Луцкич работал в области просопографии — истории коллективных биографий определенных историко-социальных групп, генеалогии, биографического литературоведения, в сфере провенанса* и др.

Собственно говоря, исследовательская деятельность и стартовала с провенанса. Сергей Зенонович начинал как коллекционер — грамотный, жесткий, прозорливый. Об этом периоде мне в свое время немало поведал А.С. Коциевский — коллега и конкурент, неоднократно переходивший Луцкичу дорогу (впрочем, не обходилось и без взаимности). Об их соперничестве, пожалуй, можно было бы написать повесть с несколько ироническим привкусом.

Как бы то ни было, провенанс заталкивал в семейные архивы, и, в конечном счете, именно они, а не произведения искусства или предметы материальной культуры стали для Луцкича предметом изучения. Он перерос в себе

коллекционера, тривиального обладателя и тем самым обрел гораздо больше, нежели то, чем мог владеть банальный собиратель.

В некотором смысле можно говорить, что Луцкич был асоциален. Как мне кажется, он более, чем кто-либо из динозавров секций "Одессика" и "Книга" Дома ученых, не любил советскую власть, на что имел личные причины.

Собственно говоря, все искали в краеведении и библиофильстве нишу, не связанную с идеологией, где можно чувствовать себя в комфортной невровизации.

Сергей Зенонович заизолировался под завязку, хотя нередко отпускал едкие реплики в адрес режима. При некоторой простительной желчности он был дивно воспитанным, учтивым человеком, всегда готовым щедро делиться любой собранной информацией, что могу засвидетельствовать не только я.

По странному стечению обстоятельств многие крупнейшие одесские краеведы: Чарнецкий, Шувалов, Фельдман, Луцкич и другие — дожили до глубокой старости. Думаю, это бонус. То есть они были на правильном пути.

* Провенанс — история владения художественным произведением, антикварным раритетом, его происхождение.

Олег Губарь

Серебряный подстаканник, крепкий чай, белая скатерть, картины на стенах.

Дом на Уютной, где всегда было так уютно. И сухошавый подтянутый хозяин в неизменном сером пиджаке — Сергей Зенонович Луцкич. Часто к нему обращались просто — Луцкич.

И в этом было все — уважение, преклонение, восхищение, любовь.

Сейчас говорят "харизматичный человек". По отношению к Луцкичу эти слова кажутся бледными и стертыми. Сила обаяния, блестящие знания, увлеченность, тщательность в мелочах.

Он был истинным и истовым одесситом, почти всю жизнь провел в Одессе, пережил оккупацию. На память о холодных военных зимах и очередях за водой остались обмороженные руки.

В сорок втором году, когда он собирался поступать на истфак, отец отсоветовал: "В этой стране, где история меняется каждые четыре года, ты не сможешь заниматься наукой". И Луцкич пошел в институт морского флота. Среди его преподавателей был профессор Варнеке.

С того времени пошла одна из любимых фраз Луцкича. "Не экономьте бумагу на высшее образование", — приговаривал он, заставляя нас в четвертый или шестой раз перепечатывать статью или расшифровку рукописи

рассказа Жука или стихотворения Бабаджана.

Семья, в которой читали и хранили книги, семья мыслящих интеллигентов не могла вписаться в советскую действительность. Луцкич принял решение, как он сформулировал, "о внутренней эмиграции" — есть жизнь во круг, и есть Дом, именно так, семья, где живут своей жизнью, своими интересами.

Первая любовь — археология, поездки в Ольвию, Роксоланы, Крым. Потом — увлечение живописью одесских художников, и последние сорок лет — одесская культурная жизнь и ее участники 1900 — 1920-х годов.

Серый костюм, неизменный портфель, который позднее сменила папка для бумаг: Луцкич идет в Публичку. В отличие от многих и профессоров, и музейных сотрудников, он ходил туда практически ежедневно, выписывал, находил, сопоставлял. Он прорывался в самые недоступные места — спецхран библиотеки, областной архив, в те годы практически закрытый для исследователей.

Сочетание инженерного расчета и точности и увлеченности историей — все статьи Луцкича выверены, без домислов и допущений: только факты, только документы.

И потрясающая открытость: Луцкич легко делился найденным, разрешал пользоваться своей картотекой. Два ящика высотой в человечес-

кий рост, заполненные карточками: хроника жизни и судеб. Бунин, Катаев, Федоров, Буковецкий, Бабаджан, Феохарида, Жук, Издебский, Фазини — художники, писатели, издатели, коллекционеры, библиофилы. Он находил родственников, уговаривал, приходил к ним регулярно, как на работу — и документы, которые могли бы оказаться в мусоре, попадали к нему в коллекцию. То, что не отдавали, покупал.

Все премии шли не "в семью", а на покупку старых, казалось бы, никому не нужных бумаг, документов, фотографий.

Он был археологом Одессы — из забвения возвращал, возрождал, реконструировал подлинную историю, из разбитых историй черепков — судьбы людей.

Он никого не наставлял специально, но многие называют его Учителем.

Луцкич — это Отрада, по улочкам которой мы шли в гостеприимный дом. В самые тяжелые, самые голодные времена был стол под белой скатертью, чай с вареньем, если не что-то, испеченное Галиной Григорьевной, то хоть сухарики.

Луцкич — это море, он проходил вдоль всего берега, тогда еще не перегородженного от Отрады до Фонтана. Мы завидовали его бронзовому загару, а он смеялся: "Не надо лежать на песке".

Луцкич — это Публичка и архив, где долгие годы он был неотъемлемой частью.

Луцкич — это дом, в который мы, гордясь знакомством, приводили исследователей из Москвы, Киева, Франции, Италии, Японии.

Луцкич — это ежегодный ритуал встречи с Сашей Ильф, которая каждый приезд приходила к Луцкичам и неизменно фотографировалась на одном и том же месте за столом — у каждого постоянного гостя было место за громадным столом, переделанным из бильярдного.

Луцкич — это интереснейшая работа над статьями и книгами, которую можно было разделить с ним.

Луцкич — это безжалостная критика неточностей, допущений, ошибок: "Чай пить с Вами можно, а работать — нельзя".

Луцкич — это дом на Уютной, Галина Григорьевна и Наташа.

Луцкич — это остроумные разговоры, великолепно рассказанные анекдоты.

Луцкич — это прогулки по Одессе и рассказы о каждом здании, о людях, о городе.

Луцкич — это больше, чем я могу написать и объяснить не знавшим его. Луцкич — это Луцкич.

Алена Яворская.

Фото Бориса Ладыженского.

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:
www.odessitclub.org

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маршальская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68. www.odessitclub.org.